

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

ПРИНЦЕССА
СБОРНИК НОВЕЛЛ
о Любви
ТОМ-2

18+

Валентин Колесников

**Принцесса. Сборник
новелл о любви. Том 2**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Колесников В.

Принцесса. Сборник новелл о любви. Том 2 / В. Колесников —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-93308-8

Коллекция новелл о любви состоит из двух томов в отдельных сборниках, ранее опубликованных на сайте ЛитРес произведений автора, в которой отображены персонажи, нежданно-негаданно постигнутые страстной любовью друг к другу. Невзирая на их устремления и деловую занятость, любовь ломает все планы, переворачивая жизнь каждого из них с ног на голову...

ISBN 978-5-532-93308-8

© Колесников В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Райская Обитель	5
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	37
Глава пятая	44
Глава шестая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валентин Колесников

Принцесса. Сборник новелл о любви. Том 2

Райская Обитель

Отрывок из романа Фаeton, в котором Аня Кразимова, жена пропавшего без вести мужа, выполнявшего научно-исследовательский космический полет, неожиданно получает загадочное письмо, информация из которого меняет жизнь, наполняя приключениями...

Глава первая

Анна Кразимова открыла глаза, лежа в постели. Ее разбудил настойчивый звонок в дверь. Уже три долгих года никаких известий от Лени. Хоть и сообщили ей о том, что ее муж пропал без вести. Но в глубине души ей не верилось в это страшное известие. Она ни на минуту не сомневалась в том, что ее Леня жив и обязательно, когда ни будь подаст весточку о себе. И вдруг этот звонок в дверь. Она сонно взглянула на часы, мерно тикающие в углу, свадебный подарок генерала Гаринова Алексея Алексеевича. Стрелки этих массивных антикварных часов показывали без десяти минут девять.

«Снова проспала. – Подумалось ей, – Опять будут ворчать в детском садике воспитательницы Димочки».

Она вскочила с постели, накидывая на ходу халат на ночную рубашку, и выбежала в коридор, направляясь к входной двери. На пороге стоял почтальон.

– Распишитесь, пожалуйста. – Сходу, сказал он.

– За что я должна расписываться?! – настороженно спросила Аня.

– Вам пришло письмо из- за границы с уведомлением. – Настаивал почтальон. Он, очевидно, торопился и в нетерпении протягивал регистрационный журнал с красным бланком уведомления. В журнале напротив ее фамилии стояла свободная клеточка.

– Такие журналы обычно на почте имеются и туда ходят для получения заказных писем с уведомлением. – Отвечала Аня.

– Мне некогда с Вами, мадам, вести дискуссию по этому поводу, поэтому прошу Вас, распишитесь. – Он ткнул пальцем в графу, и дал ей ручку для росписи. Аня, вздохнула, и поставила свою подпись.

– Пожалуйста, и здесь! – он показал ей свободную графу на красном бланке уведомления. Аня снова вздохнула и расписалась на бланке. Почтальон в свою очередь вздохнул и выразительно посмотрел в глаза Ани, вручая конверт. На конверте был чилийский адрес и почти весь он был обклеен красивыми марками. Странный был этот конверт, без обратного адреса и без имени отправителя. На нем лишь значилось, что это Чили, «Вилла Бавария». Аня удивленно рассматривала конверт, вертя его в руках, неожиданно вспомнив о том, что надо вести Диму в детский сад, бросила конверт на столик у зеркала.

– Мама! – послышался голос малыша из соседней комнаты. – Что, папа пришел?!

Аня глубоко и чувственно вздохнула: – Нет, сына, это был почтальон! Принес, какое-то письмо!

– Печкин? – серьезно спросил малыш. О почтальоне он знал из знакомого мультфильма и искренне верил в то, что однажды и в их дверь постучится почтальон и непременно это будет почтальон Печкин из Простоквашино и принесет то заветное письмо от папы, которое так он ждет и надеется, что все равно отец непременно напишет ему и маме. Просто папа очень занят и ему некогда. Всякий раз, как день подходил к вечерней заре, и Диме приходила пора, ложится спать, он думал об одном и том же, что наступит следующий день и письмо придет завтра.

– Мама, а это письмо от папы? – Спрашивал с нескрываемым любопытством сын.

– Нет, снова из какой ни будь христианской секты с приглашением прийти на собрание.

– И ты пойдешь?

– Конечно, нет, сынок, у меня много дел и дома и на работе.

Дима вздохнул, как совсем взрослый. На пороге своей комнаты показался мальчик пяти лет в пижаме расписанной цветными картинками из грибов и бабочек. Он сонно потер глаза кулачками и вошел в туалетную комнату.

На улице день встретил Аню мартовской оттепелью. Хмурое небо укрыто тяжелыми свинцовыми тучами. Падал редкий мокрый снег с крупными каплями дождя. Порывы холодного ветра бросали мокрую хлябь в лицо, задувая холод под шарф. Кутаясь и стараясь, отвернуться от брызг, по набережной Москвы реки Аня шла с Димой к детскому саду. Малыш крепко держался за руку матери, и они вскоре вышли к перекрестку, где на противоположной стороне улицы был детский садик.

– Вы бы еще к обеду привели! – Встретила их воспитательница детского сада.

– Ну, знаете, я и так не успеваю выспаться после дежурства! – В сердцах парировала Аня.

– А что же муж то твой, денег не дает? – ехидно спросила та.

Непроизвольно на глаза накатились слезы.

– Я уже три года живу в неведении, и никто не может сказать, где он?!

– Что же ты его так любила, что он удрал? – наседала воспитательница.

– Послушайте, Вы, если Вы еще раз в подобном тоне будете допрашивать меня, я буду жаловаться на Вас!

– Ой, ой, ой, напугала то как! – на ходу, уводя мальчика за руку в детскую раздевалку, бросила та в ответ. Аня, шмыгая носом, утирала слезы платком. Она выбежала на улицу. Мелкий снег с дождем бросался мокрой пеленой в лицо. Стало еще противнее на душе. К испорченному настроению добавились не проходящая слякоть. И тягостное одиночество вновь завладело всем ее существом. Все на свете в эти минуты казалось, ей было скверно. Аня уже считала, что ее Леня жив и что с ним произошло что-то из ряда вон выходящее, и поэтому он не может сообщить о себе. На эти мысли ее наводили действия властей такие, что в случае гибели мужа ей как жене Героя России положена была быть хорошая пенсия. Но вместо этого его семью лишили подаренной государством дачи и не назначили достойной пенсии. Ане было вручено лишь сообщение на бланке Министерства Обороны, что ее муж пропал без вести. Вскоре на работе в престижном медицинском учреждении главврач вызвал ее к себе и объявил категорическим тоном, не терпящим возражений, что она уволена за недобросовестное отношение к работе. По сути дела, это был волчий билет. С такой формулировкой в трудовой книжке ее не примут на работу даже в места не столь отдаленные. Ей все же удалось устроиться дежурной санитаркой в дом для престарелых инвалидов, бывших военных, где приходилось выполнять порой грязную и не благодарную работу по уходу за больными. Денег на все не хватало. И они с Димой перебивались, как могли. Такое положение дел в семье не могло, не отразится на отношениях с окружающими. И первым делом соседи по лестничной площадке. Все вдруг перестали здороваться, другие демонстративно отворачивались, проходя мимо Ани с Димой. Только Анна Собинова была частым гостем у Казимовых. Но свалившаяся и на ее голову беда вконец подкосила молодую женщину. Анна стала пить, заглушая водкой тяготы жизни.

«Ты хоть имеешь сына! – часто говорила она пьяным голосом, – А у меня никого нет», – наливая себе в очередной граненый стакан водки, говорила она Ане, которая в это время готовила скудный ужин. Аня часто задумывалась над переменной в характере подруги и удивлялась тому, почему Собинова могла разговаривать с ней Аней только в пьяном состоянии? В то время, когда Ане, как никогда, нужна была дружеская поддержка, чтобы хоть как-то разобрататься в этой жизненной ситуации и что-то предпринять. Когда Казимова шла на дежурство в свой дом престарелых инвалидов, Собинова сидела с Димой. Отводила его в детский сад и забирала его из детского сада. Собинова не бросала подругу в беде, но разговаривать с Аней в трезвом состоянии по-прежнему отказывалась. Аня при этом чувствовала себя, каким-то катализатором, побуждающим Собинову к выпивке. И когда, однажды, Аня сказала ей об этом, та стала плакать. Сквозь слезы, объясняя Ане, что с ней слишком печально становится из-за того, что она напоминает ей лучшие годы.

Дождь со снегом слепил глаза. На челке, выбившейся из пухового платка, таяли снежинки. Талая вода неприятной мокротой щекотала лоб и щеки. Женщина часто смахивала воду с лица носовым платком, промокшим насквозь.

«Вот снова не взяла зонтик». – Сетовала она на свою забывчивость. Аня медленно брела тротуаром вдоль набережной. Мимо с шумом и брызгами проносились машины, обдавая мокрой слякотью шоссе. Возле дома, где жила Аня было уютное кафе, куда она решила пойти. И путь из детского садика казался ей уже не таким безнадежно хмурым. Согретым этим маячившим впереди мигающей рекламой близким теплом, в которое она может сейчас войти. В кафе, усевшись у окна за столиком, было особенно уютно наблюдать за кутающимися в одежды прохожими и за пасмурной непогодой за окном. Официантка принесла ей чашечку двойного кофе. Поблагодарив ее, Аня стала с наслаждением вкушать маленькими глоточками бодрящий напиток и с каждым глоточком силы ее удваивались, прогоняя усталость, вселяя бодрость и какую-то уверенность в себе. Мысли яснее и четче освежили память, настроение улучшилось. Внезапно ей вспомнился утренний визит почтальона и это странное письмо. Но почему из Чили? Почему, из какой-то виллы? Ведь виллами в Латинской Америке принято называть фермерские хозяйства. А, это, наверное, приглашение на сельхоз работу для заработков, строила догадки Аня. Либо снова, какой ни будь проповедник, одной из многочисленных сект приглашает связаться с ним по почте для оказания благотворительной помощи. Либо кто-то хочет завязать дружественные контакты. Так и не определив принадлежность письма, Аня вышла из кафе и направилась домой.

У порога своей квартиры в луже собственной мочи обильно окрашенной менструальной кровью лежала, похрапывая, Анна Собинова. Лужа красной кровью растеклась на лестничной площадке, издавая неприятный гнилостный запах. Аня в ужас схватилась обеими руками за голову. Но времени на раздумье не было, опомнившись, она быстро втащила подругу в коридор квартиры под ее пьяную бессвязную воркотню. Затем, налив в пластмассовое ведро теплой воды, обильно добавила в ведро стирального порошка и быстро вышла убирать лужу с лестничной площадки. Покончив с уборкой, принялась за подругу. Та сопротивлялась, изрыгая отборные проклятия в адрес неизвестно кого, не давала себя раздевать. Аня, молча, снимала с нее мокрую неприятно пахнущую одежду и бросала ее в выварку для белья. Затем затащила подругу в ванную и, поливая холодным душем, старалась привести ее в чувство. Это ей, в конце концов, удалось.

– Ты кто?! – спросила сквозь расплывчатый туман в глазах Собинова, лежа под струями холодного душа.

– А, так ты меня еще не узнаешь?!

– А, а, это ты Аня?

– Как видишь, я!

– А я к тебе собиралась, а ты уже здесь.

– Ты много выпила, Анна.

– А, пустяки. – Отвечала Собинова.

– Тебе нельзя больше.

– Хорошо, это в последний раз. Больше не буду этой гадости в рот брать.

Аня вымыла ее теплым душем. Затем дала чистое полотенце. Анна уже сама была в состоянии вытирать себя. Вскоре она вышла из ванной в махровом Анином халате и не обращая внимания на подругу, рухнула в ее постель, погружаясь в почти бессознательный сон. Аня занялась ее грязной одеждой. Выстирав в стиральной машине и высушив там, она разгладила одежду и развесила ее на стуле у изголовья спящей подруги. И только после этого вспомнила о письме. Но опять за работой над грязной одеждой Анны Собиновой Аня провела весь остаток дня. Время быстро и бесповоротно промелькнуло, как одно мгновение. Пришла пора, идти

за ребенком в детский садик. И чтение письма пришлось отложить. Накинув на себя ветхое пальтишко, и, обвязав голову пуховым платком, она вышла в снежную мглу улицы...

Когда Аня вернулась с Димой вся в снежной слипшейся пыли на пуховом платке и на плечах пальто, Дима, глядя на маму, восхищенно воскликнул:

– Мама ты так похожа на Снегурочку деда Мороза!

– Ой, сынок, мне еще Снегурочкой не хватало побывать?

Они сняли с себя верхнюю одежду, причем Дима это делал с серьезным видом «по-взрослому» подражая мужчинам, в которых он успел уже, научиться, внимательно наблюдая в телевизоре. Аня, глядя на сына, не переставала ухмыляться, замечая эту взрослость. Когда они справились с одеждой, Аня сказала:

– Сын, иди в свою комнату, а мне надо с тетей Анной поговорить!

– Да, мама! – он послушно ушел к себе.

Анна сидела за кухонным столом и пила крепкий кофе. Ее руки дрожали, как в лихорадке. Под глазами образовались черные круги. Ей было плохо.

– Ты мне, скажи, подружка, как ты очутилась под моей дверью?! – Спросила ее вошедшая Аня.

– Анюта, я ничего не помню! Поверь мне! Я не помню, как пила водку. Я даже не помню, как и с кем! – Всхлипывая, глотая слова, оправдывалась Собинова, как провинившаяся школьница перед классным руководителем. Шмыгая носом, Анна утирала слезы дрожащими сжатыми в кулаки руками. За спиной Ани неожиданно появился Дима. Он смотрел на Анну широко- открытыми глазами:

– Тете Анне плохо?!

Аня взяла сына за руку:

– Идем, идем, сына. Ты, почему не снял теплый комбинезон?! – Озадачила она Диму и увела в его комнату. Это дало немного времени обдумать ситуацию и что- то решить с незадачливой подружкой, вернее с ее пагубной привычкой. Аня твердо решила поговорить и поговорить с ней серьезно о пьянстве и постараться раз и навсегда положить этому конец. Но это, же только ее, может быть очень наивное и неуверенное желание помочь подружке, а захочется Собиновой, это еще вопрос. В конечном итоге это зависит только от самой Анны. И только тогда, когда она поймет свое никчемное существование и начнет бороться с этой привычкой и только так можно побороть этот недуг. Раздев сына, Аня вышла к Анне на кухню.

– А вот и ты? – Встретила ее Собинова. Она по- прежнему сидела за столом, допивая кофе.

– Я хотела с тобой поговорить! – сходу взялась за дело Аня.

– О чем нам подружка говорить?

– О тебе!

– Вот еще! Опять начинаются воспитательные меры! Ты мен, что, мой Леня, что будешь воспитывать, а?! – по ее побелевшему от злости лицу пошли красные пятная. Это не сулило ничего хорошего для Ани. Слова ее отлетали от несчастной Анны, как горох от стенки и только вызывали в ней необоснованную злость. Аня впервые в жизни разозлилась на нее:

– Ты что, хочешь ходить по улицам, ка воскресший зомби?! Тебя, что ничего не интересует, кроме этой убийственной выпивки?!

– Ой, не напоминай мне о водке, меня и так тошнить! Да мне сейчас и жить то не хочется, пойми ты!

Аня в своем порыве помощи наткнулась на непробиваемую броню, обернутую вокруг Собиновой, и не дающую достучатся до ее больного состояния. И ничто не могло сдвинуть, разрушить этот кокон, ставший препятствием между ними.

– Я сейчас уйду! – Бубнила Анна, – Чтобы не мешать вам с Димой.

Слезы катились по ее щекам. Ане до глубины души было ее жаль. Но она твердо решила ее не удерживать:

– Иди! – Неожиданно сказала она. – Я тебя не держу!

Анна вскочила со своего стула и бросилась, рыдая, в спальню, где висела на стуле выстиранная Аней ее одежда. Послышалась возня в комнате. Через некоторое время она вышла одетая в коридор. Стала нервно искать свое пальто на вешалке, среди висевшей верхней одежды.

– Ну, где же оно!

Аня наблюдала издали за ее возней: – Я его постирала. Оно в ванной на змеевике сушится. – Ответила Аня. Анна опустила на коридорный телефонный столик. Ане стало, снова жаль подругу:

– Да и куда ты пойдешь? – вдруг, дрогнувшим голосом, сжалилась Кразимова.

– Что верно, то верно. – Ответила Анна. Она медленно поднялась со столика, намереваясь спрятать на кухне брызнувшие из глаз слезы в два ручья. Вставая, она непроизвольно сбросила на пол письмо, на котором успела посидеть:

– Ой, что это?! – она машинально подняла с пола конверт.

– Это мне! – ответила Аня. Сунув конверт в руку Кразимовой, она убежала на кухню. Вскоре оттуда стали доноситься ее рыдания. Аня, повертев в руках конверт, решила отвлечь подругу от нервного срыва. И письмо оказалось, весьма, кстати. Она с конвертом вернулась на кухню к рыдающей подруге:

– Ну, не плачь. Давай, лучше, это письмо почитаем. Наверняка, от какой-то секты из-за границы с предложением вступить. И наверняка, какие-нибудь любители погреть руки на доверчивых гражданах.

Анна перестала всхлипывать. Вытерла слезы. Сказала:

– Ох, Анюта, я, может быть, и пить то начала из-за этого.

– Да знаем, знаем.

– Ты помнишь, когда это началось с судебными разбирательствами генерала Гаринова?

– Конечно, помню.

– Вот тогда и с работы поперли. А потом эти бесконечные обыски и засады у нас на квартирах. Я тогда и не выдержала. В секте было поначалу приятно и спокойно. Я снова обрела семью таких же обездоленных, как и сама.

– Да, да, конечно. – Поддакивая Анне, Кразимова видела, что она успокоилась, и можно было вести разговор в спокойном русле.

– Ведь тогда исчезли они все внезапно. А нас стали таскать, выяснять не спрятали мы их. Столько нервов истрепали нам. – Говорила Собинова, вздыхая на грани разрыдаться вновь.

– Ну и ты решила вступить в секту. Продала квартиру, отдала деньги так называемому учителю и...

– И оказалась на улице.

– Но ты, наверное, забыла, что у тебя была и есть я! – гордо заметила Аня. Собинова с грустью посмотрела на подругу и тихим голосом промолвила:

– Тогда вот я и начала лечится водкой.

Чтобы как-то сменить тему разговора, Аня указала на письмо и заявила:

– Честно, хотела выбросить в мусоросборник, но уж когда тут такие страсти с тобой происходят, давай, почитаем, что там. Выбросить всегда можно, вместе посмеемся над этими ловцами человеческих душ.

– Письмо это не имеет сейчас никакого значения для меня. Но, все же давай вскрывай Анюта, посмотрим, что там!

Аня достала из кухонного шкафа столовый нож и, проткнув им, конверт, вскрыла его. Внутри оказались аккуратно упакованными в еще один конверт поменьше цветные фотогра-

фии, и был приложен исписанный листок ровным каллиграфическим почерком. Аня вынула этот листок, сказала:

– Почерком таким писала Эльза Эдуардовна. Ба! Да это же от нее письмо!

– Ты, что, серьезно?! – вскрикнула от неожиданности и в крайнем удивлении Собинова.

– Да посмотри, вот в конце ее подпись.

– Что же ты медлишь?! Читай!

Аня стала читать письмо, время, от времени отрывая глаза от чтения в крайнем удивлении, комментируя прочитанное:

– Как же так?! Ведь Вилла была основана нацистским преступником еще в тысяча девятьсот шестьдесят первом году! И там, вдруг, оказывается генерал и Эльза Эдуардовна!

– Мне, когда-то, мой Петя рассказывал, что нацисты в конце войны очень продвинулись в разработках летающих тарелок. И, что им помогала в этом какая-то внеземная цивилизация.

– Ты, наверное, не в себе, подруга?!

Собинова, не обращая внимания на замечание Ани, продолжала:

– Эта самая инопланетная цивилизация и упрятала наших родственников там на этой Вилле. Вот, что я думаю!

– Во всяком случае генерал Гаринов не мог по своей воле оказаться в этом гнезде. – многозначительно заключила Аня.

– Да читай же, что там об этом тетушка Эльза пишет?! – нетерпению Собиновой пришел конец. Но Аня не могла поверить в то, что читала и разразилась новой тирадой:

– Насколько я знаю генерала, он бы ни за что и никогда, и даже ни при каких обстоятельствах не согласился бы прятаться, как пугливый заяц, там, в логове-убежище, основанном бывшим преступником.

– А я верю в то, что так сложились обстоятельства и их туда отвезли против их воли! – твердо заявила Собинова. – Да читай же, наконец! Может, там найдем ответ на многие вопросы! Узнаем хоть, что ни будь о наших мужьях?

Аня продолжала читать дальше. И ответ нашелся. Эльза Эдуардовна писала:

«нас постоянно терроризировали, брали на испуг. Говорили, что уничтожат безоговорочно, пока, однажды меня с Алексеем погрузили в аппарат, похожий на наш, но со значительными отличиями внутри салона. Нас выпустили здесь, указали дом, в котором мы должны будем жить. И вот спустя годы, только недавно, буквально на днях я узнаю, где мы и куда нас упрятали. Да здесь очень удобно и на жизнь с Алексеем мы не жалуемся. Но постоянно чувство тревоги не покидает меня, чувство изоляции от внешнего мира тяготит и угнетает. Местные жители не разговаривают с нами и стараются не попадаться нам на глаза. Обслуживающий персонал говорит только на латиноамериканском языке непонятном мне. Но я выучила этот язык и завела дружбу с горничной. Вот она-то и переправила это письмо, которое, я надеюсь, попадет к Вам. У меня есть для тебя Аня сюрприз. Спустя три с небольшим года, ты еще сможешь потребовать письмо на главпочтамте в Москве до востребования отосланное мной с легкой руки Алексея на твое имя. Если ничего не получится, возьми паспорт и сходи еще раз в администрацию. Тебе его должны будут выдать. Там ты найдешь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег в долларах США и что эта сумма спрятана в надежном месте, где, ты узнаешь из письма. Вам с Димочкой хватит на всю оставшуюся жизнь. Это Алексей попросил спрятать эти деньги со своих счетов. Как ему это удалось, лучше не спрашивай. Но все, же ему это удалось перед нашим бегством в Антарктиду. Ну, вот, пожалуй, и все. Будь счастлива. Нас не ищи, это бесполезно. Если только хоть что-то изменится в нашей судьбе в лучшую сторону, то мы тебя разыщем сами. Ваша Эльза Эдуардовна, наш маленький Димочка и Алексей Алексеевич».

Собинова в это время рассматривала фотографии, изображавшие счастливое семейство Гаринова с Эльзой Эдуардовной на фоне горного пейзажа Виллы Бавария в Чили.

– Почему ни слова нет о моем Пете и о Лене?! – Уныло спросила Анна.

– Ты, что, не поняла, что их сразу же изолировали друг от друга. Тетушка Эльза даже не знает, живы ли наши мужья?! – В сердцах, с набевшими на глаза слезами, отвечала ей Аня.

– Вот что, подружка, тебе надо сходить за письмом на главпочтамт.

– Ты хочешь, чтобы снова прицепились ко мне с вопросами?!

– Ты что, Анюта, дура?! Прошло три, почти три с половиной года, кому в голову придет следить за бедной вдовой?!

– Я не вдова! – вдруг вскрикнула Аня. – Не смей меня так, слышишь, не смей меня так называть больше никогда! Ты поняла?!

– Да! Поняла. – Глухо ответила Собинова.

Аня выпрямилась. Глаза ее злобно сверкнули. От злости она бурно дышала. Грудь ее под красной шерстяной кофточкой вздымалась в такт быстрому дыханию.

– Ты еще вздумашь меня учить?! Скажи лучше, который час?!

Анна, ухватившись за спасительную соломинку примирения, отвечала:

– Без пяти шесть!

– Поздно уже. Пока я доберусь до главпочтамта выдача писем до востребования прекратится. Придется завтра. Отведу Диму в детский сад и съезжу за письмом. Хорошо, что на работу послезавтра.

Анна удивленно и с опаской смотрела на Аню. Такой она видела ее впервые и испугалась. А вдруг Кразимова возьмет и выгонит ее на улицу. Куда ей идти? Ни жилья, ни работы. Она вдруг оказалась в таком ужасающем положении. Постепенно незаметно для себя очутилась на самом дне среди нищенствующих бомжей и попрошаек.

– Ты прости меня. – Вдруг сказала она, опустив глаза, и спрятала их в своих ладонях. Ей было ужасно стыдно перед этой хрупкой и красивой женщиной, все еще считавшейся ее подругой.

– Ты прости меня. – Снова повторила она. Но эта фраза уже зазвучала сквозь ее рыдания. Слезы текли по ее ладоням и рукам, увлажняя скатерть кухонного стола. Аня с чувством нескрываемой жалости смотрела на Собинову в растерянности, не ведая, что делать с ее плачем. Наконец волна нахлынувшей злобы оставила ее, сменив состраданием и обидой за подругу, дошедшей до такого состояния.

– Да ладно уж. Успокойся и поживи пока у нас. Я не буду просить каждый раз соседку отводить Диму в детсад и забирать его оттуда пока я на дежурстве. Это будешь делать ты.

– Я брошу пить, вот увидишь! Как я могла до такого дойти?! – снова, рыдая, говорила сквозь слезы Собинова.

– Ты знаешь, Анна я чуть не запила сама, когда пришла бумага на Леню, что он пропал без вести. Вот только Димочка и спас меня от этого.

Анна вытерла слезы платком и с чувством верного и преданного щенка, смотрела в глаза Ани. Кразимова успокоилась. Ее профилактические меры возымели действие, на сей раз.

– Ты пойдешь в ванную да смой краску с лица. И я бы тебе посоветовала хорошо вымыть голову, а так сидишь тут чучелом заморским. Там в ванной найдешь на полке шампунь.

Анна облегченно вздохнула. Встала и уже, успокоившись, ушла в ванную.

– Вот несчастье то! – глядя ей в след, высказалась с сожалением Аня.

Эту ночь Кразимова спала в комнате с Димой на его взрослой кровати, которую купил и установил Леонид, когда Диме исполнился ровно год. Кразимов считал, что мужчинами должны становиться мальчишки еще в детстве, приучаясь к взрослой жизни. Предусмотрительность Леонида была оправдана и еще и тем, что когда Дима болел, то Аня всегда могла быть с ним рядом, согревая больного ребенка своим материнским теплом.

Глава вторая

Дима еще спал, когда Аня вскочила с постели, как ужаленная. Было шесть утра. Ей приснился, какой-то кошмарный сон, который она не запомнила, и очевидно навеянный прошедшим нервным днем. Она пыталась еще вспомнить этот сон, но не смогла. Еще было рано, и она решила больше уже не ложиться. Тихонько пробралась в ванную комнату. Умылась и почистила зубы. Вдруг в зеркале заметила себя, какой-то отчужденной и уставшей. Легкие еле заметные морщинки у края глаз веером обозначили веки у висков. Ее зеленые глаза еще хранили живой блеск молодости и красоты, которых не коснулись тяготы житейских проблем. Но блеск стал жестче. Глубоко вздохнув, она оторвалась от зеркала и вышла на кухню. Там она застала Анну. Собинова по-хозяйски взялась готовить кофе. Женщины молчали, старались не разговаривать друг с другом и не смотреть друг на друга. Анне было стыдно за вчерашний день. Ане было неловко за мужские нравоучения подружки. В конце концов, они сели молча пить кофе, закусывая печеньем « крокет» . Первой нарушила молчание Анна:

– Знаешь, я тут подумала, может, я отведу Димочку в садик, а ты съездишь на почту?

– Я тоже об этом думала. А знаешь, давай! Только я его одену, и мы все втроем выйдем из квартиры.

– Идет. – Согласилась Собинова. Она снова стала уверенной в себе и обрела то спокойное выражение лица, которое привыкла видеть перед собой Аня.

В восемь утра все были в сборе. Дима веселый и общительный был одет в свой теплый комбинезон и зимнюю курточку с капюшоном. А женщины в свои старенькие пальто и в пуховые платки. Анна не выдержала, и заметила:

– Как сельские бабки.

– Зато тепло и уютно. – Ответила на реплику Аня. Все трое весело вышли в переменчивую мартовскую непогоду.

Ане пришлось добираться на метро. Перед зданием главпочтамта, выстроилась шеренга такси. Таксисты стояли у своих машин, зазывая пассажиров в надежде подвезти кого на Киевский вокзал, кого в Шереметьево, с вождением, ожидая своего пассажира.

– Девушка, а девушка, поехали. Возьму не дорого!

– Нет, спасибо. – Отвечала им Аня.

– Мы Вас подождем! – отзывались водители.

Тем временем, Аня вошла в просторное фойе. Напротив, входных массивных дверей, в самом конце длинного зала, сидела за своим окошком администратор главпочтамта. Аня направилась прямо к ней:

– Я пришла узнать, можно ли получить письмо до востребования трехгодичной давности?

Администратор, белокурая полная женщина в годах, строго, смерив Аню взглядом, холодных серых глаз поверх своих очков, строго сказала:

– Вы что, милочка, смеетесь? – сделав выжидательную паузу, спросила, – Или, как?

– Я вполне серьезно?!

– Ну, знаете, милочка, письма невостребованные месяцев три четыре, отправляются обратно адресату.

– Ну, а если на них нет обратного адреса, тогда, что?

– Ну, эти сдаются в архив.

– А откуда, можно их получить?

– Это невозможно.

– Да, почему же, черт возьми?! – Аня сама испугалась своего голоса, но, было уже поздно.

– Вы мне тут не грубите, милочка! – с железными нотками в голосе, ответила администратор. У Ани навернулись на глаза слезы:

– Извините. – Глухим голосом, отвечала она. – Я не хотела. – Смахнув носовым платочком набежавшую слезу, громко вздохнула. И, глядя в холодные серые глаза администраторши, с безнадежностью в голосе сказала, – Это письмо для меня очень важно.

Ее слова были сказаны так, что проникли прямо в бесчувственное сердце чиновнице и администратор сжалилась над бедной женщиной. И уже потеплевшим голосом администратор ответила:

– Они упакованы в мешки и хранятся около пяти лет, затем сжигаются.

Проблеск надежды мелькнул в глазах Ани:

– Так, значит, можно все-таки обнаружить там письмо?!

– А кто будет Вам его там искать, среди сотен тысяч писем в этих мешках?

– Ну, я могу.

– Нет. У Вас нет доступа. Только сотрудник почты может искать, он имеет право.

– Скажите, ну как все-таки это сделать?

– Это надо оплатить работу сотрудника, как правило, это его один рабочий день. За день или два он его найдет. Повторяю, вы оплачиваете только один рабочий день. Сколько это будет стоить, скажем, после того как письмо будет найдено.

– И что для этого надо?

– Вот возьмите бланк заявления. Заполните, пожалуйста, его координаты, то есть от кого и кому. Или если нет обратного адреса, то кому оно предназначалось. И еще помните, что мы выдаем письма до востребования только тому адресату кому оно предназначено. То есть все в точности по паспортным данным.

Аня дрожащими руками взяла бланк. Стала заполнять. Заполнив, вернула бланк.

– Пойдите, минуточку, я пробью по компьютерной базе данных. – Администратор стала щелкать мышью компьютера, роясь в базе. Затем ответила:

– Вы знаете, а такое письмо не значит. Похоже, мы его не получали, ни три года тому назад, ни четыре.

– Не может быть?

– Вычислительный центр не врет, это гарантия! У нас с этим железный порядок.

Аня в полной растерянности вышла из здания главпочтамта и как во сне, почти автоматически не разбирая дороги, на метро доехала до дома. Ее встретила Анна. В квартире вкусно пахло жареной картошкой и поджаренной ветчиной с яичницей.

– Ну, что, где письмо?! – с нескрываемым любопытством, заглядывая Ане в глаза, спрашивала ее Анна.

– Нету, письма, и не было никогда, даже в помине.

– Вот те раз, странно все это. – Глухо сказала Анна. Затем, спохватившись, добавила:

– Давай быстро раздевайся и за стол. Покушаем, как следует.

Аня спустя минуту уже сидела за столом и с аппетитом уплетала жареную картошку с ветчиной и яичницей, запивая горячим крепким кофе. Анна не отставала от подружки. Окончив завтрак, женщины остались на кухне. Возились там, пытаясь занять себя, то мытьем посуды, то уборкой кухни. В этой возне по хозяйству, прошел день. За Димой Аня поехала одна. Анна принялась готовить на всех ужин.

Снег мелкой крупкой барабанил по лицу, покалывая щеки. Детский садик, куда водила малыша Аня, был в нескольких кварталах ходьбы вдоль Москвы реки по набережной. Это было неудобно в ненастные дни и очень приятно в хорошую погоду. Сейчас, ежась от злых порывов секущего ветра, Аня уныло брела в сторону детского сада. Из головы не выходили тягостные мысли, навеянные письмом Эльзы Эдуардовны. Насколько Аня знала тетюшку Эльзу, она не могла написать неправду. Там, где-то в подсознании теплилась спасительная мысль, что все, о

чем написано в письме, правда. Но за этим прячется какая-то тайна. А может, тетушка Эльза не могла вот так открыто написать о больших деньгах. А вдруг письмо попало бы в руки ни к ней, Ане, что тогда? Аня стала размышлять, поставив себя на место Эльзы Эдуардовны, прикидывая, как бы она поступила, оказавшись на ее месте? Ну конечно, Аня прибегла бы к иносказательной, скрытой, форме изложения, указывая на какие-то общие узнаваемые Аней формы. Например, на дом, в котором жила Аня. На предметы в комнате. Размышляя, таким образом, Аня пришла к мысли, что письмо надо прочесть снова. Проанализировать каждое слово, предложение. Найти скрытую суть в изложении. И найти ответ. Конечно, так надо подойти к этому. И она сделает это сегодня же. Еще раз прочтет письмо, взвешивая каждое слово. Аня не заметила, за своими думами, как очутилась у порога детского садика. Вошла внутрь. Дима встретил ее уже одетым. Воспитательница торопилась домой и заранее одела детей до прихода родителей. В помещении было жарко, и дети ждали родителей, вспотев от тепла верхней одежды.

– Вы, что, Тамара Александровна, с ума сошли?! – с порога набросилась на бедную воспитательницу Аня.

– А, это Вы вместо здравствуйте?! – парировала воспитательница наскок.

– Половина детей завтра же сляжет с воспалением легких! Я Вам это гарантирую! – Наседала на нее Аня.

– Мама, мне жарко! – подливал масла в огонь Дима.

– И мне!

– И мне! – раздалась детские голоса отовсюду. В дверях, как по мановению волшебной палочки сказочной Феи, появилась директор детского садика Клавдия Петровна:

– Тамара Александровна, зайдите-ка ко мне! – строгим голосом, так, чтобы было слышно другим родителям, сказала директор.

– Ну, вот еще. Хочешь, как лучше, и все наоборот получается. – Ворча, ушла Тамара Александровна за директором. Аня, сняла с сына верхнюю одежду:

– Дима, ты должен немного остыть. Затем мы снова оденемся и пойдем домой.

– Хорошо, мама. А правда, что тетя Анна останется у нас жить?

– А как ты хочешь?

– Я, не знаю. – Уклончиво ответил Дима.

– Ну, а все-таки?!

– Конечно, я хочу, чтобы она осталась. Она мне сказки по дороге в садик рассказывала.

– Ну, тебе, сына, повезло, я тоже хочу, чтобы она осталась.

– Ура, мама!

– А меня папа на «Лексисе» домой отвезет. Там в салоне и компьютер есть и тепло! – хвастливо вещал писклявым голосом крохотный малыш в ожидании своего родителя. Аня посмотрела в его сторону:

– Иди, сюда, Игорек. Я тебя раздену, остынешь немного, пока папа придет.

Малыш неуклюже подошел к Ане в модные темно-синие цвета теплой детской куртке на вырост модного покроя, как для горнолыжников. Аня сняла куртку с пышущего жаром малыша.

– Ну, вот, теперь поджидай своего папу. Он где-то наверняка застрял в пробке на своем «Лексисе».

Дима ревниво наблюдал за действиями мамы и хмурился. Его папы давно уже не было рядом и ему казалось, что все над ним из-за этого насмеваются и потешаются. Но на самом деле это было не так. Тем временем Аня снова надела на Диму куртку, напялила на вязаную шапочку капюшон. И быстро вывела сына во вьюжную сыпь пурги.

Анна не зря провозилась на кухне. Горячая и ароматная курица, только что вынутая из духовки, издавала умопомрачительные запахи, насыщенные восточными пряными специями. Отливая золотистой корочкой, аппетитно возвышалась куриная тушка на блюде, обложенная

печеной картошкой, ничуть не уступая цветом корки куриной. А жареный лук колечками до янтарного цвета, конкурировал запахом с кинзой, ароматным сельдереем и запахом лаврового листа. Украшала этот натюрморт банка соленых огурчиков и бутылка красного вина. Аня, войдя в квартиру, увлекаемая этими изысканными запахами, прошла на кухню, не снимая верхней одежды.

– Ого! – обозревая блюдо, выставленное Анной на кухонный стол, вымолвила восхищенно.

– Я не теряла зря времени, как видишь. – Гордо заявила она.

– Ну, мы сейчас быстренько.

Аня вернулась к сыну. Дима в это время уже успел снять с себя верхнюю одежду и возился с сапожками.

– Подожди, сына, я помогу.

Аня сняла с себя пальто, платок и принялась разувать малыша. Вскоре они все собрались за столом. Когда с курицей было покончено, и Дима отправился в свою комнату, женщины остались одни на кухне.

– Я вот что думаю, – начала говорить первой Аня. – Письмо – это ничего не значит без второго письма, которое я так и не получила до востребования. Как ты думаешь, Анна, может оно перехвачено в то самое страшное время для нас, а?!

– Я в общем- то тоже так думала, вначале, но, проанализировав ситуацию, поняла, что этого письма, до востребования, так и не было.

– С чего ты это взяла?!

Анна задумалась. Затем сказала, выдержав минутную паузу:

– Когда наши мужчины испарились в неизвестном направлении и нас стали по очереди таскать на допросы, то, получив такое письмо до востребования, нас бы так подставил бы генерал, что мы бы не сидели здесь в тишине и в тепле.

– Значит, его не было. – Еще раз убедилась Аня в своих догадках. Значит, Эльза Эдуардовна писала иносказательно, о чем- то, что должно быть там заложено. И она твердо, не сомневаясь ни на секунду, решила проанализировать каждую строчку написанного тетушкой Эльзой текста. Анна вдруг сказала:

– А знаешь, давай выпьем этого красного вина. – Она указала на не откупоренную бутылку.

– Нет, Анна. Я его специально поставила в кухонный шкафчик, на видном месте, чтобы ты его увидела и укрепилась в своем решении не пить больше никогда.

– Ну, ты Аня и инквизитор!

– Что поделаешь, Анна, ведь ты для меня все то, с чем я сейчас живу после смерти матери и пропажи Лени.

– Ну, тогда, пошли по комнатам.

– Да, что- то рановато. Хотя мне завтра на сутки рано вставать. Почитаю что ни будь.

– И я пороюсь у тебя в комнате на книжной полке.

– Да, советую почитать Джека Лондона, там много интересного есть.

Женщины разошлись по комнатам, хоть было еще рановато шесть часов тридцать минут вечера. В окнах уже серело. Ранняя весна не была похожа на весну, скорее это еще была зима в своем разгаре. Хоть дни стали уже длиннее.

Аня вошла к сыну. Дима сидел на ворсистом теплом ковре и строил из кубиков дом. Игрушечные машинки были разбросаны рядом. Стараясь ему не мешать, Аня взяла из книжного шкафа письмо, уселась в кресло в углу комнаты и начала внимательно перечитывать строчку за строчкой, пытаясь осмыслить смысл, заложенный тетушкой Эльзой там. Ее внимание привлекли строчки: « ... Вот она- то и переправила это письмо, которое, я надеюсь, попадет к Вам. У меня есть для тебя Аня сюрприз. Спустя три с небольшим года, ты еще сможешь потребовать

письмо на главпочтамте в Москве до востребования отосланное мной с легкой руки Алексея на твоё имя. Если ничего не получится, возьми паспорт и сходи ещё раз в администрацию. Тебе его должны будут выдать. Там ты найдёшь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег в долларах США и что эта сумма спрятана в надёжном месте, где, ты узнаёшь из письма...»

Прочитав несколько раз эти строчки, Аня задумалась. Её привлекли слова: «...для тебя Аня сюрприз. – И ещё одно, – Там ты найдёшь указание на то, что тебе есть значительная сумма денег... – И, что – эта сумма спрятана в надёжном месте, где, ты узнаёшь из письма...»

Ну, конечно, она должна узнать из этого письма, которое держит в своих руках. Аня стала лихорадочно соображать над словосочетаниями строчек, сопоставляя прочитанную информацию с различными предметами, которые они с Эльзой Эдуардовной знали вместе. В памяти её возникла вдруг антикварная шкатулка с секретом, свадебный подарок Эльзы Эдуардовны. О её существовании, Аня давно забыла. Сначала она складывала туда свои украшения, которые дарил ей муж, затем, когда украшения перекочевали в ломбард, стала складывать различные ненужные вещицы, с которыми не хотелось расставаться. Но причём тут эта шкатулка? Аня, скорее интуитивно, чем с определенной целью, открыла верхнюю дверцу книжного шкафа и достала красивую шкатулку. На крышке были изображены в национальных немецких нарядах девушка и молодой человек в танце. Шкатулка была выполнена из красного дерева и смотрелась, как новая. Аня открыла крышку, пытаясь отыскивать там, среди различных вещиц те, которые они вместе с Эльзой Эдуардовной перебирали долгими вечерами, когда Аня была выходная на практике. Это должно помочь ей разобраться в намеках письма или навести на мысль о сюрпризе, указанном все в том же письме. На самом дне Аня наткнулась на кредитную карточку импортного банка, на которую перечислялась её стипендия. Так как студенты университета, в котором училась Аня, были более чем из семнадцати стран мира, то и банк был независимым от Российских банков. Аня вздохнула, отложила карточку в сторону. Затем достала красивую и большую пуговицу от норковой шубы, которую, когда-то подарил ей Леня, и которую она сдала в ломбард. Слезы навернулись ей на глаза. Она с грустью и с душевной тяжестью, захлопнула шкатулку. Села в кресло в глубокой задумчивости, вертя в руках кредитную карточку. Вот бы пойти сейчас и снять стипендию и месяц ни о чём не думать, чем кормить себя и своего сына. А что, если там не выбраны ещё деньги. Надо пойти и проверить. Ноги сами несли её в коридор, она даже не слышала голос Димы:

– Мама, ты куда?

И только когда она надела своё серое пальто и платок вспомнила о сыне:

– Тетя Анна тебя уложит сегодня и завтра отведет в детский сад. Мне на работу завтра рано! Иди, сынок, поиграй, я скоро приду.

Аня выбежала на улицу. Снег слепил глаза. До ближайшего банкомата, квартал прошла машинально, не замечая непогоды. Студенческая карточка грела ладонь в кармане. С трепетом Аня воткнула карточку в приемник банкомата, набрала код. С нетерпением стала ждать вывода суммы на экран банкомата. Наконец экран выдал что-то не соизмеримое. Слишком много нулей и впереди цифра пять. Аня боязно, потребовала пятьсот долларов. Банкомат холодно отсчитал сумму в рублях по курсу доллара и купюрами выдал в окошечко. Аня не могла поверить в это. Перебрала код и потребовала ещё пятьсот долларов, банкомат отсчитал соответствующую курсу сумму и выдал эквивалент в рублях. Обратный путь Аня проделала как в тумане. Не замечая ни секущего ветра со снегом ни расстояния до дома. Так вот, что имела в виду Эльза Эдуардовна. Так вот какой сюрприз был ей приготовлен. Свалившиеся огромные деньги, ошеломляли. Она не шла домой, а плыла, в каком-то тумане небытия. Мысли путались в голове, и осознать своего богатства Аня ещё не могла до конца. Ей казалось, что простая стипендия, не дополученная, в своё время, и больше ничего не могло быть на её банковском счету. И всего то, каких-то тысячи рублей, а не тысяч рублей эквивалентных курсу той зна-

чительной сумме долларов, что были на ее банковской карте. Не привычны были ей еще эти огромные деньги. На свой этаж она поднялась лифтом и только когда дверь лифта открылась, только тогда она вдруг поняла, что находится у двери своей квартиры. С порога, не раздеваясь, Аня позвала Анну:

– Собинова, иди сюда!

Анна удивленно вышла из Диминой комнаты. За ее спиной появился мальчик и с любопытством стал следить за мамой.

– Что случилось?! – встревожено спросила она.

– Так, особенно ничего не произошло. – Хитро улыбаясь, говорила ей Аня. – Но, знаешь, одевайся.

– Ты, похожа сейчас на сумасшедшую! – не двигаясь с места, заметила та. В мыслях такого себе Анна не могла представить ни на секунду. Как это так, глядя на ночь, выходить из теплого гнездышка в секущую снегом метель. – Ты меня выгоняешь, что ли?! – не то, смеясь, не то всерьез, спросила она.

– Ты, Анна, с ума сошла, что ли?! Не выгоняю, а зову в супермаркет. Пойдем, скупим побольше продуктов, да повкуснее.

Анна не могла поверить в это, откуда у бедной Ани Кразимовой завелись деньги? И ухватившись за последнюю возможность остаться дома, она выпалила:

– А Димка?!

– Ему не привыкать. Побудет один.

– Мама, купи мне, что ни будь из игрушек.

– Куплю, сына. Только ты будь умницей. Посиди один. Мы с тетей Анной ненадолго. Видишь, я даже не раздеваюсь.

– Знаю, твое слово ненадолго! – ворча, совсем, как взрослый, уходя в свою комнату, недовольно ответил мальчик.

– Анюта, ты что, в лотерею выиграла?

– Нет, я получила свою не достающую стипендию.

Вскоре, ежась от порывов снежной метели, женщины шли в ближайший супермаркет. Мимо проносились машины. А на противоположной стороне дороги серела широкой лентой заснеженная Москва река. Было уже девятнадцать двадцать, когда они вошли в магазин. Этих денег, что сняла Аня, хватило на закупки разных кулинарных вкусностей и напитков с соками.

Они вернулись с полными фирменными пакетами в руках...

У Ани Кразимовой, а заодно и у Анны Собиновой закончилась бедность.

О чем она с гордостью заявила на кухне Анне:

– Знаешь, я на работу больше не пойду.

– То есть как? Я тут обдумываю, куда мне податься, чтобы мы больше не бедствовали, а ты, такое плетешь! А ты подумала, что твоя стипендия уже давно кончилась?!

Аня ничего не ответила, а только хитро улыбалась и утвердительно сообщила, настаивая на своем:

– А вот так. Не пойду и все! А моей стипендии еще на долгие годы хватит.

– Что- то ты не договариваешь, Анюта? Ага, ты получила- таки письмо, а мне наврала, что нет?

– Мы же вместе читали это письмо и в нем написано, о каком- то тайнике в доме Эльзы Эдуардовны, а не у нас с Димой.

– Ты странная, что ли? А сейф, в каком ни будь из Московских банков, где ты успела побывать и сняла часть денег.

– Нет, это не так! Но, деньги у тебя будут. Я буду тебе выдавать каждый месяц в эквиваленте тысячи долларов.

– Ну и на этом спасибо!

– Анна не обижайся. Деньги нам нужны. Нам надо найти наших парней. И я думаю, что там, где оказался твой должен быть и мой Леня.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что из письма, Эльза Эдуардовна упомянула Антарктиду.

– А ты уверена, что она говорит правду?

– А ты Анна забыла уже, как следователь Смирнов, помнишь, упоминал на наших с ним дознаниях, Антарктиду?

– Да, да, точно. Да я вспомнила. Значит, они были там. А угрозы, которые там слышали Гаринов и Эльза Эдуардовна, это что, так просто?

– Анна, ты знаешь, что-то мне подсказывает, что твой Петр и мой Леня нужны там, как специалисты по космическим полетам и они там на работе.

– Да похоже на правду. И в то же время нет.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что лишний балласт они не держат.

– Ах, не держат? А как же Гаринов и его супруга?

– А Гаринов наверняка заручился поддержкой наших парней.

– Как?! – Спросила Аня.

– А так, что если с генералом и с его семьей что-то случится, Петя и Леонид не будут работать на них.

– Вот теперь твоя версия похожа на правду и боюсь, что нам там места не найдется.

– Еще как найдется! – у Анны решительно заблестели глаза. Похоже, было, что она готова немедленно хоть и пешком двинуть в сорокаградусную стужу Антарктиды за своим Петенькой.

– Анна, мы им не будем нужны. – Сделала попытку остудить горячий пыл Собиновой, Аня, – до тех пор, пока о нас не узнают наши мужья.

– Так надо найти способ связаться с нашими мужьями, иначе этот поход в Антарктиду вылезет нам боком.

– Это бессмысленно. Как мы сообщим им о том, что у нас достаточно средств, чтобы снять в аренду Шестой Американский флот и бросить его на бывшую немецкую базу в Антарктиде. – Завершила диалог Аня.

– Да, ты умеешь теребить больные раны. – Анна вздохнула. Отломив куриную ножку от ароматной зажаренной тушки, стала жевать, откусывая ломтики белого мяса. Женщины больше не разговаривали. Молча, завершив ужин, они разошлись по комнатам. Аня, зайдя в спальню к сыну, увидела его спящим в верхней одежде. Осторожно, чтобы не разбудить его, раздела и уложила под одеяло, затем легла сама. Сон к ней не шел. В голову лезли разные мысли. Строились нелепые планы, и разбивались, как хрустальные рюмки о цементный пол, не выдерживая мельчайших доводов. В конце концов, она стала засыпать, погружаясь в беспокойные сновидения. Ей приснился чудесный сад. Деревья и цветы и плодоносили одновременно. На ветке одного и того же дерева висели созревающие плоды невиданной, и какой-то не обычной формы. Плоды издавали приятный и вкусный аромат, да такой, что возбуждалось страстное желание сорвать спелый и тут же съесть. Рука сама потянулась к ближайшей ветке. Внезапно из густых листьев возникла голова змеи. Со страшным шипением змея обвила руку и впиалась своими острыми иголками-зубами. Аня вздрогнула. Проснулась в холодном поту. Мгновенно, обнаружив себя в постели, облегченно перевела дух. Рядом мирное сопение сына во сне окончательно успокоило женщину.

– И приснится же такое! – в сердцах проговорила она, чуть слышно. Затем перевернулась на правый бок, и снова уснула.

– Мама, мама! – толкал Аню сын, пытаясь разбудить крепко спящую мать. – Ты, почему не идешь на работу?

– Сына, я уже не буду ходить на работу.

– А на что мы будем жить?! – как совсем уже взрослый, выдавший виды бывалый, спросил Дима.

– Не переживай, нам хватит.

– Ты меня поведешь в детский сад?

– Да, сынок, давай собирайся.

Спустя полчаса на сборы, они уже весело вышли из дома. Дима не переставал удивляться перемене в мамином настроении, и ему вдруг тоже стало легко и привольно на душе.

Из детсада, по дороге домой в знакомом банкомате Аня сняла еще тысячу долларов и пришла с деньгами домой. Анна сидела на кухне и пила крепкий кофе.

– Ну, Анята, ты мне, что-то обещала.

– Не помню. – Снимая пальто в коридоре, отвечала ей Аня. – Напомни мне!

– Ах, уже не помнишь? – появляясь в дверях кухни с дымящейся чашечкой крепкого кофе в руке, с железными нотками в голосе Анна продолжала, – А ежемесячный гонорар в тысячу долларов?

– Ах, это! А наш-то тебе так много? – смеясь, подразнивала ее Аня.

– А они у тебя есть? – вопросом на вопрос отвечала Анна.

– Есть!

– Не верю, пока не увижу.

– Раз я обещала. – Аня вынула из бокового кармана жакета пачку стодолларовых купюр, которые купила в обменнике. – Вот! – вручила подруге. Анна не могла поверить в такое богатство, и удивленно спросила:

– Они твои?! – она продолжала смотреть широко открытыми глазами, как безумная на пачку купюр в своих руках. Слова застряли в ее горле, на глаза навернулись слезы.

– Извини меня. Я, было, подумала, что ты насмеяешься надо мной за мое убогое существование и вообще... – Анна, не договорив, стала рыдать. Аня прижала ее к себе. Поглаживая, ее по спине утешала словами:

– Ну-ну, не надо. Теперь мы не пропадем.

Анна, как маленькая девочка, утерла слезы кулаком. Затем достала из махрового розового халата носовой платок, и громко высморкалась. И уже взбодренным голосом сказала:

– А давай сменим прикид?

– А как это?

– Не прикидывайся, Анята. Ну, махнем по бутикам.

– Нет, подруга. Мы сразу-же привлечем к себе нездоровый интерес.

– А что, мы с тобой что, плохо выглядим?

– Я бы не сказала, но я боюсь. Это наше с тобой прошлое под пристальным прицелом следствия, меня не вдохновляет. Я категорически против этого разгула. И потом, кто мне говорил, что кинется на розыски пропавшего мужа?!

– В случае больших средств! – уточнила Анна. Аня глубоко задумалась. Ей казалось, что на поиски Лени она готова была броситься и безо всяких средств, только сын сдерживал ее. И это была ее единственной причиной. А услышать от Анны Собиновой такие слова, она не ожидала. Анна заметила замешательство Ани и поспешила уточнить:

– Ведь без средств, это же верная гибель. Нет, Петенька мой этого никогда бы не одобрил. Аня немного успокоилась и сказала:

– Нам, Собинова с тобой, надо разработать план наших поисков.

– Ну, хорошо. Я, конечно же, согласна. Пошли, разрулим ситуацию с поиском наших мужей.

– Анна, мне не нравится твой бластной сленг.

– Ах, как это грустно, Анята. Я ведь совсем опустила от безнадежности, – глухо сказала она. На ее огромных карих глазах снова заискрились бриллиантовым блеском слезы. Аня

не стала больше утешать подругу. Она круто повернулась и ушла в Димину комнату. Анна медленно поплелась на кухню. Вскоре туда пришла Аня с толстой тетрадкой в руке и с шариковой ручкой.

– Итак, подробно будем фиксировать все то, что спланируем по этому делу.

– Ты, Анюта, будто знаешь все наперед, как и что надо делать?

– Да нет. А вот когда мы все распланируем и подготовим, подсчитаем затраты и наш бюджет, то в этом плане сразу будет видно все досконально. Мы будем чувствовать себя намного уверенней. Поверь, это так.

Анна, вдруг, стала серьезней. Слезы исчезли из глаз:

– А ты права, Аня. Ведь только так мы сможем, что-то предпринять осмысленное и серьезное.

– Ну, так в чем же дело. Вот, дорогая, с тебя и начнем. Давай высказывай свои идеи.

Анна глубоко задумалась, затем сказала:

– А ты, что не знаешь, как и куда мы можем обратиться и спросить? Эй, вы, там, наверху, не видели наших парней?

– Вот ты и навела меня на мысль. Как ты думаешь, у кого мы все можем узнать и спросить? У того, кто их в последний раз видел?

Анна, широко открыла глаза:

– Скажи мне, и я скажу, ты точно так подумала о ком идет речь, как и я?!

– Ты права, точно так.

– Тогда конечно генерал Гаринов.

– И Эльза Эдуардовна. – Резонно заметила Аня.

– Только они и больше никто не скажет нам о наших родных. Послушай, это ведь не Антарктида, а теплый край.

– Да, конечно. – Подтвердила Аня. – И съездить туда мы вполне можем. Деньги у нас теперь есть в достаточном количестве, а все остальное приложится. – И она пристально взглянула в глаза Анне.

– Ну и как мы туда будем добираться? – спросила Анна, с готовностью следовать за подругой хоть на край света.

– Я полагаю, надо купить туристические путевки до столицы Чили Сантьяго. А дальше будем действовать экспромтом.

– Анюта, нет, так не годиться. – Запротестовала Собинова.

– Это ты мне говоришь? Ну, предложи, предложи, что ни будь получше! – в нетерпении возразила Аня.

– Да пойми, ты, что я не против поездки, но все надо досконально продумать. Ну, как бы, исключить случайности, или свести их до минимума. – Прижимая руки к груди, говорила Анна.

– Да я все-таки погорячилась, извини. Давай будем обдумывать и решать.

– Тогда пиши, пункт первый...

Анна и Аня долго, весь день просидели на кухне с тетрадкой в руках, куда были занесены все пункты их подготовки к предстоящей частной экспедиции в далекую страну Чили на Виллу «Бавария». И в завершение четко выстроенного плана Анна сказала:

– Надо досконально изучить все, что касается этой Виллы «Бавария». Это может быть Интернет, Энциклопедия, какие-ни будь брошюры статьи и прочее.

– Значит нам надо в библиотеку.

– Надо отвести на все на это, то есть на сбор информации ну скажем месяц. А за это время нам, какое ни будь, тур агентство будет готовить документы на выезд.

– Тоже резонно. – Подтвердила Аня. – Значит, нам надо разделить наши обязанности.

– Как?

– Ты будешь добывать информацию, я займусь оформлением нашей поездки.

– Ты знаешь, Анюта, ты, почему-то совсем забыла, что ты не одна.

– То есть, как это?

– А Димка?

– А, ты об этом. Конечно, он поедет с нами, это будет выглядеть, как убедительный факт, мирного туристического посещения Виллы. Таким образом, нас быстрее пропустят на Виллу, и мы сможем, даже попытаться, навести справки о семье Гаринова без особого риска в преднамеренной дискредитации колонии в глазах мировой общественности.

– Ого, ты как на митинге в защиту экологии против выбросов в атмосферу углекислого газа. – Пошутила Анна.

– Ты мне не ответила, Собинова, ты согласно? – с командирскими нотками в голосе, спросила Аня.

– Да, да, конечно. Я займусь добычей информации о том месте, куда мы двинемся. И это будет уже завтра.

– Ах, да. Пора идти за Димкой.

– Ну, давай иди, а я приготовлю вам, что ни будь.

– Знаешь, там Димку так кормят, что он практически отвык от домашней еды.

– Ну, такая хозяйка, как ты на кухне, ничего удивительного.

– Да иди ты! – Аня вышла с улыбкой, готовится идти за сыном. Анна принялась чистить картошку...

Глава третья

На следующий день Анна отправилась в Центральную Московскую библиотеку, бывшую ЦККПСС им В.И. Ленина.

Аня с Димой в детский сад. Затем, по спланированному заранее плану, она займется поисками подходящей туристической фирмы. На Арбате расположилась целая сеть подобных фирм, предлагающих различные туры по всему миру, куда и пришла Аня, и занялась поисками подходящей. С Анной они решили встретиться вечером и обменяться добытой информацией. И так, Анна Собинова, вошла, открыв массивную дверь библиотеки. В фойе с раздевалки на нее с любопытством уставилась пожилая женщина, в рабочей форме, в которой были сотрудники. Смерив подозрительным взглядом Анну, особенно задержав взгляд на потертом сером пальто и на заплаточном в нескольких местах, пуховом платке, сказала:

– Ну, понимаю студентов, им надо. А, что надо Вам, женщина?! Здесь же не богадельня для убогих!

У Анны цепной реакцией мгновенно созрели трех- четырехэтажные ругательства, далеки от интеллигентных выражений, но, помня о своей миссии, изо всех сил сдерживая себя, с трудом выдавила:

– Примите, мадам, мое норковое манто и шляпку! – и положила на приемную полку свою верхнюю одежду. Приемщица энергично схватила одежду, и, повесив на свободное место на вешалке, швырнула ей номерок, прошипев в ответ:

– При выходе не забудьте забрать!

– Не забуду! – и стала с тетрадкой в руке в очередь за молоденькими девчушками на запись. Очередь быстро дошла. Получив бланк, Анна уселась за свободный столик заполнять свои паспортные данные. С этим она справилась быстро и вернула заполнивший бланк девушке.

– Вам надо еще оплатить членство в библиотеке.

– А если я на один день?

– Но, Вы, же будете пользоваться компьютером, Интернетом, может что- то распечатывать на принтере и пользоваться книгами журналами?

– Ну, конечно буду! – согласилась Анна.

– В кассу пройдите. А квитанцию принесете мне, я Вам выдам разовый читательский билет.

После всех этих формальностей Анна уже с разовым читательским билетом вошла в читальный зал и уселась за указанный в выданном жетоне стол с компьютером и настольной лампой на нем. Анна в Интернете быстро отыскала нужные материалы. И просидев в читальном зале до 16- 00, имела полное представление об основателе Виллы Бавария. О его политических воззрениях. И так же о современной жизни Виллы. О ее месте в туристической и иной деятельности. Аккуратно зафиксировав все, что было интересным, Анна собралась домой, с чувством выполненной задачи.

Аня же в свою очередь, сделала экскурс по туристическим агентствам. Агентства в один голос твердили, что необходимо подтвердить платежеспособность, чтобы на банковском счету туриста лежало достаточно средств иначе поездка не может состояться. Аня не решалась продемонстрировать свой капитал. Она не боялась это делать только с банкоматом, а так, чтобы какой- то менеджер мог увидеть количество денег на ее кредитной карточке, она не решалась. Наконец, в одном из таких агентств, она, набравшись храбрости, открыла свой счет менеджеру. Внушительная сумма, высветившиеся цифры на экране монитора, повергла менеджера в шок. Он долго не мог понять, что за цифры высветились на мониторе. Несколько раз перебирал код ввода кредитки, пока, в конце концов, Аня не переспросила его:

– Вас что-то смущает?

– А! А! это правда?!

– Что, правда? Что мой дядя оставил мне наследство?!

– Ну, у меня вопросов больше нет. – Уже уверенным тоном в голосе ответил ей менеджер, и добавил, – А знаете, у нас есть интересный тур в окрестности Виллы Бавария.

– Да-а?! – Аня, чуть было не выпалила: – «А мне туда, как раз и надо!» – Но, вовремя сдержалась. Затем, тоном, мало заинтересованным в предложении, заявила: – Ну, я еду не одна. Надо поразмышлять над Вашим предложением.

Чтобы устранить сомнения клиентки, менеджер стал разглагольствовать о сказочных окрестностях, окружающих Виллу, показывать рекламные буклеты, стараясь уговорить на этот тур. Аня не выдержала и сдалась первой:

– А скажите, а, сколько времени уходит на оформление паспорта, делается виза, ну и всякое такое?!

– Ну скажем по ускоренному сроку, за определенную сумму, конечно в Американских рублях, дней за десять максимум. – Молодого человека, так вдохновил счет Ани, что такого клиента ему не хотелось так просто отпускать. – У нас еще хороший тур по прибрежным Чилийским городам с круизом на теплоходе, если хотите.

– Ну что же, молодой человек, Ваше предложение нам подходит.

– Так я оформляю Вам этот круиз?!

– Я же Вам сказала, что я еду не одна. И что мне надо посоветоваться.

– Тогда я Вас жду, – менеджер сделал выжидательную паузу, в надежде, что Аня скажет, когда именно она намерена, явится для оформления путевок. Не дождавшись, продолжил, – а когда Вас ждать?

– Не беспокойтесь, я Вам перезвоню.

Менеджер сделал веселое лицо, расплывшись в улыбке, и почувствовав, что можно предложить более дорогие туры, начал говорить снова:

– А скажите, почему Вам именно надо в Чили?! У нас есть более...

Аня не дала ему договорить:

– Да потому, что Вы нам предложили именно этот тур, и он оказался нам подходящим. И я, молодой человек, не намерена менять свои решения. Вам ясно?!

Менеджер, испугавшись, что потеряет клиента благодаря своей назойливости, постарался исправить положение:

– У меня вопросов больше нет. Жду Вас с решением.

– Я скоро навещу Вас. – Аня распрощалась. Менеджер проводил ее до самых ажурных чугунных ворот офиса. А Аня, окрыленная успехом, пришла домой. И стала вдохновенно готовить ужин на кухне, поджидая Анну. Настенные часы уже показывали 16-00. Анны все еще не было. Аня решила сходить за Димой. А там уж наверняка, когда она придет с сыном, Собинова будет дома.

Она надела сапоги, пальто платок. Вдруг, вспомнив, что не оставила записки Анне, в сапогах прошла на кухню и на клочке оберточной бумаги написала: – «Вопросы решаются. Обсудим, после, вечером. Я за Димкой. Аня» ...

Анна, обнаружив записку, бросила взгляд на плиту. Там стояли кастрюли с готовым ужином. Но, ей есть не хотелось. В нетерпении она принялась разбирать свои записки, выстраивая стройную картину, о Вилле Бавария. Чтобы в сжатой и доходчивой форме рассказать Ане о тех бесценных сведениях, которые удалось раздобыть в библиотеке.

Анна сидела еще на кухне, углубившись в анализ, когда возбужденно вбежал к ней на кухню, не снимая верхней одежды, Дима:

– Тетя Ана! Тетя Ана! А, правда, что мы скоро уедем в отпуск?!

– Димочка, это тебе мама сказала?

– Мама! Мама! А, что? – удивлению Димы не было предела.

– Я ему сказала. – Вошла следом за сыном Аня. На ней еще было надето пальто, платок она уже успела снять. – Сказала, чтобы хоть как-то подбодрить, поднять настроение.

– А ты не боишься, что вся Москва скоро узнает, куда мы собрались в «отпуск»?! – настороженно и с тревожными нотками в голосе спросила Анна.

– Не-а! Потому, что мы едем в отпуск, а не насовсем.

– Ага! Теперь, кажется, понимаю, Анюта, куда мы с тобой поедem! Ну, типа, еще не решено?! – подмигнув, сказала Собинова.

– Ну, конечно, не решено! – подмигнув в ответ, огласилась Аня.

– Мама, а куда? А куда, мы все-таки поедem? – не переставая дергать за рукав пальто, спросил Аню сын.

– Вот мы с тетей Анной и решим. А ты иди пока в своей комнате поиграй. И не забудь снять с себя верхнюю одежду!

Дима медленно удалился в коридор. Вскоре оттуда послышалась возня мальчика с верхней одеждой. Следом за ним вышла в коридор и Аня. Там она помогла сыну снять теплую одежду и аккуратно развесить на вешалке для просушки. И уже через минуту она вернулась в кухню к Анне:

– Сейчас, Собинова, будем разбираться с нашими знаниями. – Усаживаясь за кухонный стол напротив Анны, она положила свою тетрадь с записями. – Итак, Анна, что ты накопила по Вилле «Бавария»?! – Тонем начальствующего в их экспедиции руководителя, спросила Аня. Анна не возражала против руководства Кразимовой и охотно стала отчитываться:

– Я досконально обследовала всю доступную мне информацию в библиотеке. Кроме того, через Интернет, зашла в Фонд Британской Королевской библиотеки. Там собраны мельчайшие и даже самые незначительные факты. Правда, компьютерный перевод несколько не точен, но смысловой вариант понятен достаточно, чтобы составить представление о предмете. Итак, начнем с самого начала, со дня основания Виллы, с 1961 года. Колония Дигнидад – немецкое поселение в Чили, основанное в 1961 году нацистским преступником Паулем Шеффером, официально названное «Благотворительное и образовательное общество „Дигнидад“».

– А кто, этот Пауль Шеффер?!

– Судя по той скудной информации, что я накопила в Интернете, выходит, что он никакой не нацистский преступник. Документов, обличающих его в фашистских зверствах не найдено. А вот о его духовной жизни складывается такое впечатление, что это богобоязненный и глубоко, я бы сказала, фанатично верующий человек. Во всяком случае, так изложено о нем в изданиях Интернета и некоторых статьях, которые мне удалось раздобыть. Правда, он в свое время был уличен святой церковью, где вел службу, в растлении малолетних мальчиков. Разгорелся скандал. Последовало отлучение от церкви. Тогда Шеффер создает библейское общество под названием «Благотворительное и образовательное общество „Дигнидад“», куда приглашаются верующие люди и с удивительной магической силой убеждения следуют за своим пастырем Паулем Шеффером, отдавая все свои сбережения и состояния обществу. С легкой руки посла Чили в Германии Шеффер добивается разрешения Чилийских властей на переселение и аренду с дальнейшим правом выкупа 12000 гектаров земли под организацию немецкого поселения. Что им было с успехом реализовано.

– Скажи, Анна, а какое отношение имеет этот Шеффер к современной колонии Дигнидад?!

– Уже никакого. Он является почетным главой поселения. Но о его месте пребывания никому ничего не известно. И вообще, не известно жив ли он до сих пор или нет?

– Ну, положим при современных технологиях продления жизни, а, судя по твоим рассказам, там умеют заботиться о своем здоровье и репутации, думаю, что еще проживает, где-

то. Ну да Бог с ним с этим Шеффером. Ты лучше скажи, что представляет собой современная колония?

– Дигнидад пользуется всеобщей мировой славой, как процветающее сельскохозяйственное предприятие, где выращивают овощи и фрукты. Разводят свиней и коров и снабжают пол страны свежим мясом, молоком, сырами, маслом и прочими дарами природы. На базе этого поселения создан туристический центр под названием «Семейный клуб». Туристов там хорошо встречают благодаря тому, что колонисты вовремя поняли, что туризм – это неплохой доход. Есть там благоустроенная гостиница, выдержанная в стиле тридцатых годов довоенной Германии. Ресторан, где подаются национальные немецкие блюда с пивом, и, конечно же, проводятся насыщенные экзотикой экскурсии. Туристическим бизнесом заправляет все тот же «Семейный клуб». Кстати в этот «Семейный клуб» могут записаться и стать членами Клуба все желающие, уплатив членский взнос.

– И ты веришь, Анна, в то, что членом Клуба может стать любой желающий?

– Конечно, Аня нет. Этот фарс придуман с единственной целью, привлечь как можно больше туристов. Однако нам можно заказать экскурсии по Вилле Бавария и попробовать как-то связаться с генералом.

– Это будет зависеть от того, как и где именно нас будут проводить. Может эта экскурсия проводиться под дулами автоматов.

– Значит, будем ориентироваться по обстоятельствам на месте. Ты лучше, Аня, скажи, что там у тебя?

– Фирма есть. Есть возможность быстро, в течении двух трех недель оформить путевки и вылететь в Чили...

Женщины еще долго сидели на кухне, обсуждая и составляя ситуации в которых, как им казалось, они могут оказаться по воле случая или умышленных действий и как выходить из этих приключений без потерь. Далеко за полночь, прозвучала сакраментальная фраза Ани:

– Что будет выходить за рамки нашего плана, откорректируем на месте нашей дислокации. И, запомни Анна, отныне мы работаем по составленному нами плану.

– Есть, мой генерал! – в шуточной форме ответила Собинова, переполненная эмоциями предстоящей подготовкой к экспедиции и к ее дальнейшему осуществлению.

Утром, женщины стали действовать по заранее разработанному плану. Анна осталась дома. По расписанию у нее готовка обеда и ужина. Аня же, отвела Диму с детский садик и поспешила к знакомому туристическому агентству.

Оформление документов началось с заполнения анкет на путевки и заграничные паспорта, заполнение других документов, на медицинское страхование и прочие формальности. Когда с этим было покончено и остались сущие пустяки, решаемые в процессе десяти дневного оформления, она сказала с улыбкой менеджеру: – А фотографии на паспорта я принесу завтра. – С этими словами она покинула агентство...

Собинов и Кразимов, следуя за фон Фирсом, вошли в светлое и просторное помещение с высокими и широкими окнами, тянувшимися к самому потолку высотой метров с двадцать.

– Ого! Как в Софиевском Соборе в Питере! – воскликнул Петр.

– Если не брать во внимание, что тот высотой более ста метров и с маятником в середине. – Парировал Леонид. Затем спросил у сопровождающего их фон Фирса:

– Зачем такие высоченные потолки?

Тот коротко и высокомерно отчеканил: – Всеу свое время! – и добавил, более сдержанно, – Узнаете позже.

Неожиданно за спинами раздался мужской голос:

– Это те, о ком ты говорил?! – вопрос предназначался фон Фирсу. Все дружно повернулись в сторону говорившего человека. В белом медицинском халате нараспашку, стоял не высокого роста плотно сбитый мужчина. Рядом с высоченным фон Фирсом его фигура казалась

карликовой, хоть и был он всего на два три сантиметра ниже друзей. Его колкие карие глаза, как колючки впились в фигуры Леонида и Петра, оценивающе измеряя их с ног до головы. Эти глаза, посаженные близко друг к другу, выражали презрение и брезгливость. Нос этого человека был слегка с горбинкой, от которой шел прямо и чем-то напоминал не то соколиный, не то клюв попугая. Нижняя челюсть была выдвинута вперед, очерчивая массивный подбородок. Он быстро выхватил за поясом брюк какой-то блестящий предмет и молниеносно метнул его в сторону Леонида. Кразимов моментально среагировал и почти механически поймал предмет правой рукой. Затем стал соображать, что произошло, разглядывая в руке конскую подкову.

– Ну, ка согни ее! – приказал незнакомец грубым вызывающим тоном. Леонид не был готов к такому обращению:

– Да кто вы такой, чтобы указывать мне, что мне делать с этой штукой? – и он бросил подкову себе под ноги на цементный пол и пнул ее ногой в сторону бросившего. Человек носком ботинка ловко подбросил ее к своей правой кисти и поймал подкову рукой, затем хладнокровно заткнул себе за пояс. Наблюдавший за этим фон Фирс неожиданно вмешался:

– Это Кечо! Ваш преподаватель боевых искусств, ваш наставник, командир и вы должны по всем вопросам обращаться к нему. Теперь он для вас командир на все время обучения.

– Скажите, фон Фирс, а этот надзиратель, Кечо, на какое время приставлен к нам? – не удержался Петр, чтобы не иронизировать. На что, не обращая никакого внимания на Петра, фон Фирс продолжал: – Он научит вас всему тому, что необходимо будет вам знать.

– А самое главное, тому, как остаться целыми и невредимыми или другими словами, как уберечь свои тела и свой рассудок в ходе боевых действий с Селенитами. – Вмешался Кечо. – Можете называть меня: Господин Тренер. Я буду вас называть по именам и на «ТЫ». Напоминаю, вы должны будете обращаться ко мне Господин Тренер и только на « вы ». Напоминаю, за не послушание, пререкание, и не знание урока – карцер. А что такое карцер узнаете, когда попадете туда, заранее пугать вас карцером не стану. Вам ясно?!

– Ясно! – ответил Петр. – Но меня пугает в большей степени не ваш карцер, а Ваша невоспитанность, сер.

– Не сер, а Господин Тренер! И это ты мне говоришь?! – негодуя переспросил Кечо. Он взмахнул рукой и Петра, словно ударила молния по спине. Затем Собинов ощутил еще один удар в живот, от которого перехватило дыхание. От этого удара Петр согнулся и тут же схватил еще один удар по шее, что сопровождалось обильным искрящимся дождем из глаз в разноцветье искр. Кечо при этом стоял на расстоянии пяти метров от Собинова и двигал лишь руками, производя замысловатые движения:

– Этому всему я должен буду научить вас болванов. А сейчас, ты, – он указал пальцем на Кразимова, – возьми этот мешок с отбросами, – он кивнул в сторону Петра, – и следуйте за мной! – он ринулся мимо удивленного Леонида и корчащегося от нестерпимой боли Петра. – Покажу вам ваши комнаты, где вы будете жить.

Леонид подхватил Петра и тот стонущий, опираясь на плечо друга, последовал рядом с Казимовым в след стремительно удаляющегося Кечо.

В это время, молча наблюдавший за всем происходящим фон Фирс, резко повернулся и покинул помещение.

Кечо на ходу, скороговоркой объяснял правила поведения в школе и распорядок дня:

– Подъем в шесть утра! Процедуры...

Он шел длинным коридором с множеством дверей. Коридор кончился тупиком. Справой и с левой стороны, напротив друг друга были расположены две двери.

– Это ваши комнаты. Там есть все необходимое для ночлега. Комнаты даны вам каждому отдельно, для того, чтобы исключить общение. Специфика обучения строго индивидуальна и каждый будет получать свою долю знаний. Чтобы не было искажений при общении, вы будете жить отдельно. Вам ясно?!

– Так точно, господин тренер! – Хором ответили друзья.

– Ну, на сегодня все. Отдыхайте! Завтра ровно в семь утра, жду вас в зале! – с этими словами Кечо внезапно исчез. Как это ему удалось, Леонид не заметил, так как был занят другом, у которого очень болела спина.

– Ты мне помоги. – Взмолился Петр.

– Да, о чем ты, конечно! – с готовностью Леонид отозвался и, поддерживая друга, втащил его в комнату, что была расположена слева по их движению. На деревянной кровати была свежая постель. В комнате тепло и пахло свежестью и озоном. Стандарт помещения сразу же бросился в глаза друзьям. Леонид не удержался, чтобы не заметить:

– Срисовали они, что ли, с нашей общаги в реабилитационном центре?

– О- о- хо- хо, или с санатория. – Пытался пошутить Петр, преодолевая боль. – Знаешь Ленья, мне сейчас не до смотрин.

– А знаешь, Петруша, мне кажется, что я тебе могу помочь, вылечится.

– Ты издеваешься? – гримасничая от боли, отвечал Петр.

– Ничуть. И слушай, что надо сделать.

Петр медленно и с трудом опустился на край постели.

– Вот сижу, и вроде ничего не болит.

– Правильно. А ведь у тебя с этим придурком Кечо, контакта то не было. – философски заметил Кразимов.

– Да, конечно не было. Но боль, то настоящая, как будто гирей меня огрели по позвоночнику и по шее.

– Поэтому ты должен забыть боль.

– Как это?!

– Просто взять и забыть боль. Ну, например, нет ее и все тут.

– Это как же?!

– А вот так, травмы то нет, есть внушение на расстоянии.

– Да травмы нет. – Петр сосредоточенно стал думать о том, что боли нет. И фрагмент воображения стал всплывать в памяти двояко. Вдруг он почувствовал, что боль исчезла. Он быстро вскочил с места и радостно воскликнул:

– Ты, Ленья, прав! Никакого ощущения боли. Очень все это странно, что она вообще была. – Память вернула ему недавние страдания и тут же Собинова пронзили острые колики в спине. – О- о- ох! – он схватился за поясницу. Опускаясь на постель, гримаса боли исказила лицо.

– Я тебе что говорил, забудь, эту боль ее нет. – Настоятельно рекомендовал Леонид. Петр снова вскочил и уже твердо решил не думать об инциденте. И боль насовсем покинула его. Убедившись в выздоровлении друга, Леонид поспешил удалиться к себе.

Когда он вошел в свою комнату, его удивлению не было предела. Комната была обставлена точь- в- точь, как в реабилитационном центре. Та же мебель. Те же кресла и шкаф. У журнального столика на стене прибита книжная полка с книгами на ней. Подумалось: «Уверен, что подбор книг тот же!» – И он с любопытством подошел ближе, чтобы разглядеть тома. В глаза бросился том приключений Тиля Уленшпигеля, вот рядом Дюма «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя». А вот и знаменитые

«Двенадцать стульев» и Булгакова «Мастер и Маргарита». Леонид с тоской отвернулся от книг, машинально взглянул в окно. Там, о, не может такого быть, знакомый пейзаж в точности такой, как за окном реабилитационного центра. Виден прилегающий к окнам парк. В лучах послеобеденного солнца распускается весенняя листва. Леонид машинально взглянул на часы, что мерно тикали на стенке, там было уже 14- 00. Что ж, если тут царит привычная обстановка, то есть необходимость собраться с мыслями и все хорошенько обдумать. Разобраться в происшедшем, хорошенько поразмыслить, как быть дальше? С этими мыслями он вошел в ван-

ную. Долго плескался там, смывая с себя налет сегодняшнего дня и неприятности впечатлений от встречи с тренером Кечо. Вода, чудесным образом успокаивала вконец расшатанную, не смотря на хорошую выдержку, нервную систему. А с успокоением пришла ясность мысли и рассудка. На часах стрелки показывали уже 16-00, когда Леонид уселся в кресло под книжной полкой. С книгой в руках, с его любимым произведением «Приключения Тиля Уленшпигеля». Но ему не читалось. Содержание и поступки главного героя казались, столь наивны, порой до примитивизма глупы, что он вскоре закрыл ее и поставил на место. Затем взял Дюма «Двадцать лет спустя». Здесь герои действовали согласованно и целенаправленно, достигая своей намеченной цели уверенно и где-то даже до бестолковой безрассудности. Нет, так им с Петром действовать нет резона. Да и на что им надеяться? Ведь выхода из этого мира нет. Но ведь он, Леонид, попадал и в не такие ситуации, чтобы безнадежно сложить руки и не пытаться действовать в попытках найти выход. Ведь в когтях Двуликого Мира, из которого вообще, казалось, нет никакого спасения, ему все же удалось выйти в целостности и сохранности. И там он был один. Здесь же плечо друга, его поддержка и участие помогут совместными действиями разобраться в скрытой ситуации и начать действовать. Эта скрытость порождает неизвестные преграды, а неизвестность диктовала свои условия к действию. И Леонид решает разобраться во всем, а именно, разложить все по пунктам, куда они попали? Кому служат? Кто такой настоящий фон Фирс и кому он служит? Кто такой ученый Кшатр, и кого он представляет здесь на Земле? И многие и многие вопросы, которые будут возникать по ходу их с Петром пребывания в этом мире, равно как и личности Кечо и Ареала, кто они на самом деле? А, разобравшись со всем этим нагромождением непонятного сообщества, и что за этим сообществом стоит, можно будет сделать определенные выводы и придет решение. Он непременно поделится своими мыслями с Собиновым завтра же на тренировках. Да и Петр, наверняка точно так же думает, как и он, Леонид.

За обдумыванием своего положения быстро летело время. И в эти минуты, как ему хотелось зайти к Петру, обсудить положение вещей для дальнейших совместных действий. Его сдерживало лишь строгое предупреждение Кечо никоим случае не общаться между собой и его неоспоримая угроза карцером, в случае неповиновения. Леонид, конечно, не боялся угроз тем более со стороны сомнительного тренера. Но в нынешней ситуации стоило вести себя осторожно и осмотрительно. Он вышел на кухню. Там, Леонид нашел набор нескольких сортов кофе. И даже в холодильнике обнаружил свежее молоко, что крайне удивило его. Откуда здесь, в запредельном мире, молоко. Он открыл полиэтиленовую бутылку, наполнил им стакан, отпил. Молоко на вкус было свежим и пахло травами. Свежий хлеб лежал на столе нарезанными дольками и пах выпечкой. Удивительный сервис поражал опрятностью и аккуратностью, однако чувство тревожного ожидания не покидало его. В конце концов, Леонид, следуя народной мудрости « Утро вечера мудреней» , вышел из кухни в комнату. И скорее в кровать, предварительно заведя будильник ровно на шесть утра.

Утром, ровно в шесть, Леонид вскочил с постели под неистовый звон будильника. Вначале не мог осознать, где он. Очень уж не хотелось возвращаться в действительность. Но, память неумолимо и неуклонно вернула его в наступление грядущего дня. Наконец он понял, где они, что с ним, а значит, торопится, не было никакого смысла. Тренировочный зал был в конце коридора и пять минут с лихвой покрывали это расстояние. А вот общение с Петром, это была насущная проблема, особенно после категорического запрета Кечо, пригрозившего в случае неповиновения карцером. Удрученный действительным положением вещей Леонид, стал надевать спортивный костюм. Надев костюм, решил зайти к Петру в его комнату, но только после обычных утренних процедур, которые занимали не более пяти двадцати минут по утрам. И вот он уже у двери, ведущей в комнату друга. Он решительно взялся за ручку входной двери, немедленно металлический голос стал вещать:

– Внимание! Попытка взлома! У Вас осталось еще две попытки! После чего к Вам будет применена мера пресечения – карцер!

Автоматический голос, как заводной, повторял одно и то же без перерыва. И лишь, когда Леонид отошел от двери он выключился.

Стрелки на часах медленно ползли к цифре 6- 55, к той черте, когда и он и Петр выйдут одновременно и пойдут длинным коридором, вот тогда- то и сможет он, Леонид, поговорить, наконец, с другом. Но все произошло не так, как запланировал Леонид. Как только он и Петр вышли из своих комнат между ними, как гриб- дождевик, вырос Кечо.

– Приветствую вас, новобранцы! – выпалил он насмешливо. – Что, не ждали?! – и, не дав сказать ответные слова, затараторил скороговоркой: – У тебя, номер Первый, – так он назвал Леонида, – осталось в запасе еще две попытки нарушить установленные мной правила, за которыми последует двухнедельный карцер. Смею заметить, что испытание карцером входит в нашу программу с той лишь разницей, что по программе каждый из вас проведет там без пищи и еды ровно один месяц, это будет лишь тогда, когда я вам преподам приемы, как пережить столь длительное пребывание в экстремальных условиях без пищи и воды. У тебя, номер Два, – он выразительно взглянул на Петра, – есть три попытки.

– А, что это такое за зверь такой карцер?! – не выдержал Петр, задетый ответами за живое, пренебрежительным тоном, и снисходительной манерой Кечо. По коридору они двигались один за другим с тренером Кечо посередине. При таком движении всякое общение между друзьями было исключено. Но на вопрос Петра Кечо отвечал:

– Номер два, и ты, номер один, объясняю первый и последний раз. Карцер – это мера наказания, которая состоит в следующем. Провинившегося закрывают в боксе кубической формы без окон и освещения. Стены, потолок и пол, из цемента. Без еды и питья, наказуемый новобранец проводит там ровно две недели. Спустя этого срока его извлекают, конечно, если он остается в живых, то проходит курс восстановления, кстати, восстановление длится тоже две недели. Но это уже в нормальных условиях под наблюдением врачей. После чего усиленные тренировки с целью наверстать упущенный материал. Вам ясно?!

В ответ Кечо не услышал ни слова. Это вывело тренера из себя:

– Не слышу?! – строгим голосом выпалил он.

– Ясно! – зло ответили хором новобранцы.

В это время они вошли в зал. В центре очерченного двумя кругами места, желтого и красного цветов стоял манекен Селенита, как живой. Бока черного, как смоль, чудовища украшали по две руки- лапы. Издали эти конечности походили на четыре костлявые руки, или, скорее усохшие конечности. Две, как у человека исходили от плеч, а две выходили из туловища с обоих боков, примерно, где- то на уровне пупка. Все эти четыре конечности- руки заканчивались пятипальными когтистыми кистями, украшенными загнутыми когтями, как у стервятника.

– Это робот. – Поспешил объяснить тренер. – Эти круги, желтый внутренний и красный наружный выполнены для ориентации робота. На нем я покажу уязвимые места, откуда может исходить угроза. Вы должны четко осознать, что борьба между вами и Селенитом будет происходить на подсознательном уровне. – С этими словами он достал из кобуры, болтающейся на правом боку, увесистый пистолет- автомат. – Это супер- современное автоматическое оружие лучемет стреляющий пространственно-временными импульсами. Попадая в Селенита, он расщепляет его на атомы, превращая монстра в пыль или в туман. Но чтобы попасть в него вам необходимо будет завладеть его сознанием. То есть, на тех девяноста пяти процентах, не задействованных людьми ресурсах ваших мозгов. Я преподам вам методику овладения этими скрытыми ресурсами, заложенными природой и, о которых, вы оба, не имеете понятия. Вам ясно?!

– Ясно. – На этот раз друзья вяло ответили хором. На что Кечо заметил, резким приказным тоном:

– Отвечать надо так: «Ясно, Господин Тренер!». – Повторите!

– Ясно, господин тренер! – по- военному отчеканили ученики.

– Ну, вот, уже лучше. Объясню дальше. Селениты имеют очень устойчивую привязанность к нашим биотокам подсознательного не задействованного ресурса мозга. Для них особое удовольствие составляет считывание информации с ваших мозговых клеток, и управлять самим человеком путем биолокационных процессов, которые они транслируют в ваши мозги. Подойдите ближе.

Он подвел учеников к желтому кругу, объяснив:

– Этот круг сигнализирует роботу, что люди в не поражения, и он не реагирует на вас. Но стоит переступить желтую черту и стать между желтым и красным кругами он начнет атаковать вас, но не на поражение. За красным кругом особая зона. Там отрабатываются смертельные приемы борьбы. Но сейчас не об этом. Итак, видите эти гофры, идущие веером от шейных позвонков Селенита. Это антенны, ориентированные на прием биоволн испускаемых мозгом человека, равно, как и на трансляцию команд мозгу человека. Благодаря этому Селенит в считанные секунды подчиняет себе подсознание человека, и становится для него не только невидимым, но и не уязвимым. Он захватывает командные центры вашего мозга и лучемер не управляется уже вами, а вы сами же направляете оружие на себя и убиваете самого себя. Я научу вас, как противостоять этому явлению, а заодно и обратить в свою пользу его же оружие против него самого.

Леонид вдруг почувствовал, как того не подозревая, Кечо сделал ценнейшую подсказку, как наладить диалог между Петром. До гениальности просто, использовать Кечо, путем продуманных вопросов ему, на которые он будет давать ответы, которые будет слышать и Петр. Обмениваясь вопросами с Кечо, друзья будут слышать друг друга, читая ответы тренера, и использовать эти ответы, как обращение друг к другу, в своих собственных интересах. Леонид воодушевился вдруг осенившей его мыслью. Ему в эти мгновения захотелось поддержать друга дать ему ту же надежду. Взглядом полным участия он взглянул в потупившие глаза Собинова. Петр отсутствующими глазами безучастно смотрел на ликующего Леонида. И уловил в них что- то особенное, что- то такое, что могло означать намеченный план к действию в этом, казалось, безвыходном положении. И в подтверждение своего плана он спросил у Кечо:

– Господин тренер, чем вызван строгий запрет на общение с Петром? – при этом Леонид не сводил глаз с друга.

– Номер Первый, я запретил твое общение с номером Два лишь потому, что программа обучения строго индивидуальна. Ваше же общение создаст помехи в освоении материала, которое потом скажется на практике, раз и навсегда заблокирует способность подсознания к восприятию. Тебе ясно, номер Первый?!

– Ясно, господин тренер! – в этот миг в глазах Петра отразилось понимание. Собинов улыбнулся, чуть заметной улыбкой. Было ясно, что Петр понял игру, которую задумал Леонид в их непростом положении. А Кечо, продолжал:

– Так вот, происхождение Селенитов связано с опытами Ареала по выведению максимально устойчивого организма к внешним неблагоприятным условиям. Селениты были выведены для использования в самых сложных и вредных для обыкновенного человека условий, для выполнения различного рода работ...

Кечо разъяснял подробно строение органов восприятия Селенитов и указывал на преимущества человека. Из подробного урока стала проясняться картина опасности, какую несет общество Селенитов для Человечества на Земле. И картина качественной и успешной тактики ведения боевых действий с этими существами...

Леонид, решивший использовать Кечо, как посредника в переговорах с Петром, задал ему первый вопрос, надеясь вызвать его на откровенную беседу и попытаться войти в доверие:

– Господин тренер, а скажите, что побудило Ареала вывести этих Селенитов?

– Разногласия с Кшатром...

Леонид не ожидал, что его вопрос вызовет столь длинную речь у этого грубого тренера. А Кечо, как будто ждал этого вопроса, пустился в подробное описание причин, побудивших Ареала войти в разногласия с Верховным Жрецом Совета Ученых страны Райской Обители успевших до глобальной катастрофы переселиться с Марса на Землю и поселиться в просторах полой Земной оболочки под не заходящими лучами внутреннего Солнца. Итак, Кечо продолжал:

– Кшатр, не только Верховный Жрец, но и ученый, предложивший переселение на Землю. Он точно предсказал дату гибели планеты, раскрыл подробные причины необратимых процессов в обществе, которые неуклонно привели бы впоследствии к катастрофе, если бы не массивные три астероида, обломки Фазтона, которые вонзились в поверхность, стерев все живое на Марсе, заменив, тем самым, гибель цивилизации марсиан катастрофой Космического масштаба. Кшатр подробно изложил процесс воссоздания цивилизации людей на планете Земля. Разногласия Ареала возникли на почве усовершенствования переселенных на Землю марсиан до возможного усовершенствования их организма способного переносить условия не совместимые с жизнью обыкновенного человека. Ареал сам вышел из среды экземпляров, резвившихся в процессе ускоренной эволюции. Этого удалось добиться Кшатр, лишь здесь, в Райской Обители под лучами вечного дня от Солнца, которое никогда не заходит. После того, как было обнаружено пространство в середине Земли со своим Солнцем и райскими условиями существования. Для этого перенесли лаборатории из спутников Марса, с Фобоса и Деймоса, сюда в Райскую Обитель, но не сразу. В земной коре, а именно под материком, который вы называете Антарктидой, мы же его назвали Атлантида, нашими пилотами было обнаружено огромное пространство под земной корой, как под скорлупой яйца. Как желток у яйца лучи внутреннего солнца освещают внутреннюю поверхность земли, и как яичный белок у яйца здесь расположена атмосфера, воздух которой полон ароматов вечного цветения садов, в ветвях которых, гнездятся невиданных расцветок птицы. Лучи внутреннего Солнца не жгут и не болят глаза, когда на него смотреть, потому, что все яркие лучи оно не выпускает из сильнейшего гравитационного поля, которым обладает. Это поле и сформировало земную скорлупу вокруг внутреннего солнца, где потом и зародилась природная оболочка с растительностью и обитателями в садах. Сюда мы перенесли наши лаборатории для того, чтобы вести наблюдения за расой Атлантов и развернуть широкомасштабные работы по строительству Страны Ученых в этой скрытой и хорошо защищенной скорлупой земной тверди Райской Обители, исследуя процессы ускоренного развития Человека мыслящего. Когда из этих самых экземпляров родился и сформировался ученый Ареал, который впоследствии стал критиковать эволюционные процессы, основанные на учении Кшатр и наследии ученых Марса. Ареал утверждал, что путем генной инженерии и последующим клонированием можно создать организм мыслящий способный к выживанию в условиях даже вакуума. На что Кшатр категорически возражал, аргументируя это тем, что такой организм непременно будет деградировать с непредсказуемыми последствиями. Но Ареал был неумолим. Он доказывал, что Новый Человек, который способен будет выжить в космическом вакууме, генерируя жизненную энергию из Солнца и даже из энергии самих звезд, перевернет всю Вселенную и будет хозяином во Вселенной. Для этого он стал вести свои опыты там, в скрытых земной корой пещерах, где были оборудованы его лаборатории, оснащенные самой совершенной техникой и приборами. Там ему удалось мутировать ДНК человека совместно с ДНК таракана. Тараканы, как известно, имеют устойчивый иммунитет к выживанию. Им не страшны даже смертельные для человека дозы радиации. Эта особь долгое время может находиться без воды и пищи, а также и без воздуха, что и привлекло внимание Ареала. Кшатр изгнал его из Райской Обители. Но Ареал предвидел такой ход событий еще, когда строил свои подпольные лаборатории на базе брошенной после переселения из них Кшатр сюда в Райскую Обитель. Там он, Ареал, и сейчас обитает, и там же,

им было создано целое племя биологических монстров, которые рабски преданы ему. Кшатр поздно спохватился, когда отряд Селенитов уже был на страже подземного владения Ареала. И лишь спустя много лет, когда Селениты все, как один, переселились на Луну и создали там свои колонии, когда, впоследствии, их устремления обратились в сторону Земли, лишь тогда Ареал стал союзником Кшатр. Он передал все материалы, описывающие рефлекторные, анатомические особенности Селенитов, и данные по устройству центральной нервной системы. Из этих материалов нам стали известны слабые стороны и уязвимые места этого организма, способного к регенерации своих утраченных конечностей и органов. Поэтому подход к изучению этого противника у нас жесткий и порою будет жестокий. Для этого Кшатр и воссоздал меня, Кечо, заново. Я давно, в доисторические времена, тренировал пилотов Марса, помогавших нам осуществлять переселение добровольцев марсианской цивилизации на планету Земля. Мне более шестнадцати миллионов лет. До сего времени я находился в специальном хранилище здесь в Райской Обители. Но времена меняются и, как видно, я понадобился снова Кшатр. Почему он выбрал именно вас в помощники, да потому, что вы напомнили ему тех двух друзей пилотов, что делали работу здесь на Земле, доставляя генетический материал из Марса. В процессе моего возвращения в живую форму по специальной программе, мне был введен курс знаний и добавлен к тому запасу, который уже был у меня. И теперь я обладаю всем необходимым, чтобы передать все, что я знаю вам новобранцы. Только бы вы все это смогли усвоить. Кечо на этом остановился, взглянул на табло часов и выпалил уже потеплевшим голосом, объявляя:

– Ну, новобранцы, на сегодня все. Вы получили достаточно информации, чтобы осознать и сделать правильные выводы. Сейчас я вас отведу к месту дислокации, то есть по комнатам. Там уже лежат анатомические учебные пособия по устройству Селенитов. Изучите, и к завтрашнему занятию буду принимать экзамен. Затем после определения ваших знаний будем вскрывать ваше подсознание и на его уровне отрабатывать приемы боя, приемы выживания, приемы регенерации в случае утраченных в бою конечностей и внутренних органов.

– Вы не можете так поступать с нами. Это не справедливо заставлять нас верить в сказки регенерации! – не выдержал Собинов, оглашая зал возгласом негодования. На что Кечо ничуть не смущаясь, ответил:

– Да возможно. Причем в считанные минуты. Время регенерации зависит от того, что это за орган или часть тела.

На Кечо была надета короткая спортивная кожаная куртка черного цвета. Молниеносно из правого рукава куртки в кисти Кечо появился короткий стальной римский меч. Он выставил перед собой левую руку, и взмахом меча левая кисть полетела отрубленная на деревянные полы зала. Из обрубка руки брызнула кровь, сворачиваясь у основания раны на глазах у изумленных друзей. Лицо Кечо почернело от боли, но, ни один мускул не дрогнул на его ястребином лице. Рана перестала кровоточить и начала затягиваться, быстро зарастая на глазах у Леонида и Петра. Затем медленно из затянувшегося обрубка сформировалась перепончатая кисть руки, перепонки уменьшались к ладони, формируя пальцы кисти, которые выросли на глазах до нормальных размеров. Прошло ровно десять минут с момента отсечения и до полного восстановления левой кисти руки. Следов шрама на месте отсечения кисти не было. Кечо с невозмутимым видом сказал:

– Этими приемами, вы будете владеть досконально. Это будет возможно после вскрытия вашего подсознания. Мы будем тренироваться, и все у вас получится, как и у меня.

Друзья в иступленном недоумении переглянулись. Кечо, заметив их удрученные взгляды, добавил: – Кто не хочет, заставим! Кто не будет уметь, научим! И у вас, как и у меня получится. Вам ясно?!

– Ясно, господин тренер! – хором ответили новобранцы.

– Ну, а сейчас пошли по домам!

И Кечо, как и утром, сопровождал друзей до их комнат. Перед тем как попрощаться, напомнил:

– Помните, никаких контактов! Наказуемо карцером.

Леонид подумал:

«Пугает, как детей в детском садике»

У Петра мелькнула мысль:

«Детский сад и только!» – а вслух сказал: – Мы не дети! Мы солдаты самой сильной армии в мире! Вам это ясно, господин тренер?!

Кечо, засопев, как паровоз, ответил:

– У тебя, номер два, осталось уже две попытки, только две, до наказания карцером за пререкания со старшим по званию.

Кечо колко и выжидательно уставился в глаза Петру. Петр, вскипев внутри, с саркастической кривой улыбкой уже открыл рот для ответного слова, но вовремя перевел взгляд на Леонида. Кразимов строго и напряженно покачал головой вправо, влево. Собинов закрыл рот, не проронив больше ни слова. С минуту все молчали, затем по-военному оба одновременно, как на параде по команде

«Кругом!», повернулись лицом к своим дверям, и одновременно каждый вошел в свою комнату. Кечо остался один, наклонив голову на короткой шее, в это время стал походить на разъяренного коршуна, от которого только что улизнула добыча. Круглые, выпученные глаза да крючковатый нос особенно ярко подчеркивали это сходство. Осознав, наконец, что новобранцев перед ним нет, он вдруг растаял в воздухе, как туман.

Леонид на журнальном столике обнаружил анатомический атлас. Помня слова Кечо, присел в кресло, открыл его. Листая атлас, всматривался в цветные изображения органов Селенита, с огромным перечнем различных названий написанных современной латынью.

– И это я должен знать? – вслух и в сердцах сказал, и зло швырнул книгу на столик. Затем заерзал в кресле удобнее, усаживаясь. Задумался. Голову начала сверлить одна и та же мысль: – «Тут не вооруженным глазом ясно, у Кечо запланирован карцер, и он готовит нам с Петром это испытание». Он встал из кресла и подошел к окну. Вечерние сумерки уже касались своими длинными тенями от высоких деревьев видневшихся зданий и построек за окном общежития. – «А, как же свет внутреннего солнца, которое светит всегда и днем, и ночью?» – подумалось ему, и Кразимов понял, что имитация заката и спускающихся затем сумерек, марсиане создали для себя, чтобы создать впечатление привычного для себя пространства. – «Значит это искусственное укрытие, где, подобно декорациям создана иллюзия заката и рассвета, как на поверхности Земли». Он отошел от окна и погрузился в невеселые мысли. Действительность снова вернула его к реалиям, которые подсказывали, что карцера не избежать. Он стал напряженно соображать, как выжить в условиях карцера. Он припоминал программу по методам выживания в экстремальных условиях пустыни и крайнего Севера. Но подготовка пилотов космических кораблей по методике выживания всегда была привязана к среде обитания той или иной фауны или животного мира, обитающих на данной местности вынужденного приземления. А что делать в условиях карцера? Когда со всех сторон тебя окружает бетон и ни питья, ни еды две недели к ряду. Как быть в такой ситуации, как сохранить жизнь? Он много читал в свое время о методике индийских йогов по искусственному замедлению жизненно важных функций организма. Йоги придают особое значение самовнушению и медитации. Медитируя, погружаясь, таким образом, в транс оцепенения, заблаговременно программируя время выхода из медитации, йог может выдержать мороз и жажду, и голод, находясь в таком состоянии месяц и более. Если использовать методику йогов, то можно пройти испытание карцером. Леонид стал вспоминать учебный курс по йоге, который преподавали им в институте для выживания в условиях ограниченного потребления кислорода. Он даже получил оценку «отлично», продержавшись трое суток без достаточного содержания кислорода в воздухе барокамеры. Но тогда из этого

состояния их, студентов, выводил преподаватель, преподававший курс йоги. А что делать тут? И мысль спасательная пришла сама собой. Ну конечно, главное сохранить организм, а вывести его из транса медитации, поможет Кечо. Уж это он обязан будет сделать, и будет им сделано как следует. Таким образом, Леонид внутренне подготовил себя к испытанию карцером. Единственно, что его озадачивало, так это Петр. И он решил, путем наводящих вопросов, задавая их Кечо, и выслушивая его ответы, которые будет слушать и Петр, довести свою идею Петру. Ведь он тоже проходил тренировки в барокамере по методике йога- преподавателя. И Леонид с чувством выполненного долга перед товарищем, в полном душевном равновесии стал готовиться ко сну...

Леониду снилась Аня и сын. Как будто они все вместе гуляют очень красивым садом среди вечнозеленых и цветущих растений. Среди деревьев с диковинными фруктами на них. Им легко и свободно. Дима счастливо улыбается и смеется звонким детским смехом. Аня целует Леонида и ему тепло и уютно рядом с самими близкими людьми. И вдруг задрожала земля. Нарастающий гул все громче доносится из глубины земных недр. Внезапно происходит раскол земной поверхности надвое. На одной стороне отдаляясь от него, на краю пропасти застыли в ужасе Аня с сыном. Пропасть быстро расширяется. Из глубин земных недр поднимается страшный всплеск расплавленной магмы, заливая цветущие Деревя и цветы...

Леонид в холодном поту открыл глаза. Будильник свирепо трещал, было ровно шесть часов утра.

– Уф-х! – перевел дух Кразимов с чувством облегчения, так как понял, что это был всего лишь сон. И уже успокоившись, сказал сам себе, почти радостно, осознав окончательно, что это был кошмар: – Пора вставать!

Мысли о жене и сыне не покидали его. Он стал задумываться над тем, как долго не видел их. Сердце защемило. И впервые он стал с горечью осознавать, как бесцельно и впустую улетает время. И, что самое счастлирое время для семейной жизни ушло и уходит бесследно, как дым от костра, на котором сжигаются вместо дров его надежды и чаяния. С таким настроением и мыслями он вышел в коридор, где уже были Кечо и Петр. И снова, как и вчера, Леонид за ним Кечо и далее Петр все устремились длинным коридором к тренировочному залу. По дороге Кечо стал говорить о применении суперсовременной системы лучемета:

– Вчера я ознакомил вас, новобранцы с оружием ближнего боя.

Леонид с облегчением вздохнул, значит, разговоры о карцере пока откладываются. Тем временем, Кечо продолжал:

– Вы ознакомились с анатомией Селенита и теперь знаете об их уязвимых местах. Там в атласе эти места выделены красными надписями. Вы изучили их?!

И снова призрак карцера навис над друзьями с новой угрозой, так как Леонид не сомневался, что и Петр не в состоянии изучить атлас за столь короткое время досконально, да еще и не владея латынью. А в голове лихорадочно мелькали мысли о том, как отвлечь Кечо от нависающего неизбежностью наказания. Но, вдруг, Петр спросил:

– Господин тренер, а можно вопрос?!

– Да! Но, только по существу и по теме!

Петр, казалось, обрадовался такому и, не задумываясь, спросил:

– В солнечном сплетении Селенита сходится весь спектр нервных окончаний, которые при попадании пространственно- временного импульса расчлениют тело Селенита на атомы. Как бы превращая его в пыль или в туман.

– Так, я не понимаю, в чем суть вопроса? – нетерпеливо спросил Кечо. Леонид подумал:

«Вот молодец, заморочил голову, может и оттянет этот дурацкий экзамен на анатомические познания, которые мы не в силах вызубрить».

А Петр, словно ожидал этот вопрос, и без запинки выпалил:

– В атласе сказано, что любые пространственно- временные импульсы отталкиваются энергетической оболочкой, аурой, Селенита, как от зеркала лучи и поражают нападающего его же оружием, как в таком случае быть?!

– Номер Два, то что ты задал мне этот вопрос, с одной стороны хорошо. Потому, что еще ваш великий полководец Суворов в былые ваши времена говаривал: «Повторение мать учения!».

– Это не Суворов сказал, это так гласит народная мудрость, что повторение мать учения. – Вмешался в разговор Леонид, и поспешил добавить. – А великий Русский полководец только любил повторять это.

– Суть вещей не меняется от этого, новобранцы. Так, номер два, я тебя слушаю! – с угрожающими нотками в голосе обратился Кечо к Петру. Петр, нисколько не смущаясь, а уверенно повторил вопрос:

– Так как в таком случае быть?!

– В атласе нет такого! – как в истерике вскричал Кечо. Леонид снова отметил: – « Вот так тебе за карцер. Ах, Петруша, молодец!»

А Петр, как будто ждал такой ответ Кечо.

– А вступление в атласе указывает на то, что Селенит считывает все команды человеческого мозга и дают свои импульсы. Таким образом, человек по команде Селенита направляет лучемет на самого себя и кончает жизнь самоубийством. Значит, борьба против Селенита таким оружием бесполезна.

– Ты, номер два, делаешь поспешные выводы!

– Я пытаюсь вести эффективный бой в будущем и добиваться победы над монстрами. Точно так же и мой товарищ, Леонид Кразимов, согласится со мной. Не так ли, Леня?

Эта последняя фраза Петра была ошибкой. Не надо было дразнить гусей, с опаской подумал Леонид. Но на удивление, Кечо мягко заметил:

– Вот, номер два, ты уже стал соображать самостоятельно, что нам, собственно говоря и надо для эффекта в бою.

– А что же все- таки, надо делать в этом случае, господин тренер? – решил сориентировать огонь на себя Леонид.

– Я же говорил вам вчера, новобранцы, что ввиду вас в режим сражения, отработкой простеньких приемов на манекене. Вы почувствуете его реакцию...

Кечо еще долго и пространно рассуждал о том, как и куда, устремлять свое внимание во время ведения боя. Как концентрировать энергию и степень защиты. Все трое не заметили, как уже давно очутились в зале и там, на роботе- манекене, ловко увертываясь, от молниеносных движений четырех, почти невидимых в быстром движении конечностей, Кечо показывал все то, о чем говорил. Леонид и Петр, не зависимо друг от друга поняли, что тема карцера отодвинулась, по крайней мере, еще на один день...

После напряженных тренировок и надоедливых придинок Кечо, Леонид особенно остро стал ощущать тяжесть одиночества. Дамокловым мечом нависшее над ним оно удавкой сдавливало горло. Ком обиды за безвозвратно утерянные дни подступал к сердцу, заставляя память возвращать его в те счастливые дни их близости. В такие минуты не хотелось ни есть, ни пить, ни следить за собой. Не хотелось ничего, а, тем более что- либо изучать. Изнурительные тренировки, как необходимость, выжимали из Кразимова все силы и все живительные соки. И только во время этих изуверских тренировок Леонид забывался, не думая со жгучей тоской об Ане, и сыне. Он знал, что у Петра было не лучшее состояние. Вот и выходило так, что эти тренировки были отвлекающим фактором, спасающим их от тягостных мыслей о семье, о доме, о близких и родных людях...

Глава четвертая

Аня вошла в туристическое агентство в довольно приятном расположении духа. В руках она держала черную папку для бумаг с готовыми фотографиями. Не смотря на еще не совсем теплые первые майские дни, была без головного убора. Ее красивые завитые в парикмахерской волосы, рассыпались каштановыми прядями на плечах. Не хотелось удачную укладку мять головным убором. На ней была надета короткая норковая шубка, черные теплые колготы облегали точенные ровные ноги, обутые в модные сапожки, а исходивший аромат французских духов, кружил голову встречным мужчинам, попадавшим на ее пути в турагентство.

Знакомый менеджер, вскочив со своего места, где он сидел за компьютером, с лакейской улыбкой на устах, предложил снять полушубок, что Аня сделала, кокетливо сбросив шубку на руки менеджеру.

– Прошу, Вас, присаживайтесь! – воркующим голосом, нищего голубя, увидевшего перед собой богатую, и как ему казалось, очень соблазнительную голубку. – Что привело Вас в нашу компанию?!

Аня догадалась, что ее не узнали, и решила слегка поморочить голову этому клерку. Ей было приятно, что после стольких лет убогого существования, униженного положения, она вдруг почувствовала себя уверенно и гордо. А задуманная миссия по розыску мужа, придавала ей смелости. Глядя на молодую женщину перед собой, столь уверенную в своих действиях, любой мужчина испытывал бы трепетную неуверенность. Убеждая себя в том, что перед ним, конечно любовница какого ни будь богатенького папика, который в случае чего закатает обеих, и ее и его в асфальт, при попытке сближения, не говоря о любовном свидании. Поэтому, выдерживая некую дистанцию, менеджер, осторожно начал диалог:

– Могу предложить Вам очень хороший выбор мест для отдыха! – он сделал паузу, обернулся, как бы кого-то, высматривая в конторе, затем, поднял кверху палец правой руки, и небрежно, как бы невзначай, обратился к девушке, сидевшей рядом за компьютером и не сводившей завистливого взгляда с посетительницы. – Лена, сделай нам кофе! Пожалуйста! – последнее слово было произнесено с ударением. Девушка медленно, поднялась со своего места, с пунцовым румянцем на щеках, который внезапно всплыл и украсил ее деревянную мину, возникшую на лице. Встряхнув длинными черными волосами, она удалилась в комнату для обедов, готовить кофе.

– Вы знаете меня, интересуется поездка в Чили.

Менеджер немедленно перехватил инициативу, и стал предлагать дорогостоящие круизы по длинному маршруту вдоль береговой линии страны. Аня терпеливо вслушивалась в знакомые туры по первому визиту, затем сказала:

– Меня интересуют немецкие колонии, адаптированные к местным условиям и занимающиеся туристическим бизнесом, есть такие?!

– Ну, конечно есть. Но, – менеджер явно что-то не договаривал, – но, зачем Вам ехать куда-то в горную местность по плохим дорогам, чтобы посетить одну из этих пристанищ обедневших изгнанников из их родины Германии.

– Но, почему же? Я слышала, что они очень процветающая колония и весьма преуспели в туризме. И мне очень бы хотелось окунуться во времена тридцатых годов довоенной Германии.

Там говорят, отличные немецкие блюда в местном ресторанчике и приятная экскурсия по Вилле Бавария.

Менеджер вдруг покраснел до ушей. Затем, переведя дух, выпалил:

– Простите меня, я Вас не узнал! Прошлый раз я сказал Вам принести фотографии, Вы по этому поводу пришли?

– Ну да конечно, а то, что Вы меня не узнали, ну с кем не бывает! – насмешливо сказала Аня.

Спустя довольно длительное время, появилась сотрудница с дымящими чашечками растворимого кофе на подносе. Она медленно поставила поднос перед менеджером, и, тряхнув волосами, уселась на свое место. Клерк не обратил внимания на поднос, поставленный на разложенные бумаги, вскочил с места с подносом в руках, поставил чашечку с кофе Ане другую себе, пустой поднос, почти бросил на стол соседке на ее бумаги. На что девушка, фыркнув, ушла с подносом в комнату для обедов. Аня больше ее не видела до конца оформления бумаг.

– Значит так, – начал он рассказывать о маршруте. – В Сантьяго де Чили Вас встретит наш представитель, и арендованный автобус доставит группу в пятизвездочный отель. Там Вы пробудете ровно одну неделю, питание и проживание в гостинице входит в стоимость путевки, а также экскурсии по городу и прогулки по океану. После недельного пребывания, Вас посадят на туристический поезд, и через двое суток вы попадете в окрестности городка, примыкающего к Вилле Бавария. Там вас уже будет ждать автобус с Виллы, который доставит Вас в местную гостиницу, принадлежащую колонии и экскурсовод расскажет и покажет достопримечательности и историю возникновения Виллы. Там вы пробудете еще неделю, после чего поездом Вас доставят в Сантьяго и уже из гостиницы на самолет, который прямым рейсом вылетает в Москву.

Аня слушала менеджера с каким-то чувством ненадежности. Так хорошо и складно у него получались маршруты и этот тур в Чили, что поневоле хотелось хоть что-то узнать от побывавших уже туристов там, и не откладывая вопрос в долгий ящик, она спросила:

– А выто сами были там?!

Вопрос, казалось, застал менеджера врасплох. Глаза его забегали, как в настенных часах, туда-сюда, затем он опустил взгляд на бумаги, подписанные Аней, и глухо ответил:

– Да, собственно говоря, меня туда не приглашали наши партнеры из посольства Чили.

– Ну, а Вы знаете, кого ни будь, кто бы мог рассказать, как на самом деле там?!

– Послушайте, девушка, если Вам не хочется туда ехать, так не езжайте. Мне абсолютно все равно, от какого агентства вы поедете. Скажу только, что от этой поездки еще никто не отказывался, и жалоб не было.

Аня поняла, что расспрашивать больше не о чем, и, решив завершить оформление путевок, спросила:

– Когда за паспортами и за путевками?!

– Позвоните через две недели. – Он, молча, сунул ей свою визитку, давая понять, что разговор окончен. Аня встала, сняла с вешалки свою шубку и надела ее. Менеджер делал вид, что очень занят компьютером, чтобы помочь даме надеть полушубок и вообще проводить до двери.

– До встречи! – бросила она ему, закрывая за собой дверь, услышав у себя за спиной слова менеджера:

– До скорой встречи!

– Девушка! – окликнул Аню женский голос. Она обернулась. В коридоре стояла сотрудница турагентства, которая приносила кофе.

– Вы, что-то хотели мне сказать? – подходя к ней, спросила Аня.

– Конечно, это нарушение трудовой этики, но мне это уже так осточертело, когда прямо в глаза врут. – в сердцах говорила она.

– Что Вы имеете в виду?

– А то, что эти путевки продает служащий посольства Чили, полу легально. Деньги берет в свой карман и делится с этим Стасом, который вот Вам оформляет визы и путевки.

– Так, что там все не так, что ли, как мне рассказывают?

– Эти путевки покупают Чилийские студенты. Им очень выгодно прийти, заплатить и не о чем больше не беспокоится. Им главное добраться до Сантьяго, тем более, что у них колоссальные льготы, так как правительство Чили заботится о своих студентах.

– Ну и что с этого? Вы хотите сказать, что до Виллы Бавария мы будем добираться своим ходом?

– Вот уж этого я не знаю. Знаю лишь одно, что за студентов платит государство, а часть денег они вносят сами и денег, получается, меньше, чем от обычных туристов.

– А обычных туристов тут было много?

– В основном богатые бизнесмены. Их тоже интересовало только поездка до Сантьяго. Но, конечно же, они тоже переплачивали, как за полный тур.

Внезапно открылась дверь, и громкий голос менеджера гаркнул:

– Селезнева, сколько можно курить?! Я за тебя не буду работать, мне еще в три посольства надо успеть!

– Я Вам ничего не говорила! – испуганно проговорила, девушка быстро удаляясь.

– Спасибо! – ответила Аня. Эти слова Селезневой насторожили Аню. Где-то глубоко в подсознание забилося тревожное предчувствие того, что эта поездка будет не из легких. И что самое печальное может сложиться все не так, как красиво расписано в рекламном буклете, рассказывающем о предстоящем туре. Аня направилась к выходу и вскоре уже стучала каблучками по мостовой. Свежий весенний ветерок нежно прикоснулся к щекам, наполняя все вокруг тончайшими и далекими ароматами пришедшей, казалось, так внезапно весны. Окна домов веселыми солнечными отблесками приветствовали молодую женщину, а встречные мужчины, прогуливавшиеся здесь на Арбате, среди рядов художников, торгующих своими поделками, провожали ее восхищенными взглядами. Ане было легко на душе и приятно. Молодость еще кипела в ней бурным эмоциональным потоком, возбуждая деятельное стремление, во что бы то ни стало разыскать Леонида. Ее внутреннее чутье подсказывало ей, что она на верном пути и от этого радость волна за волной вселялась в ее молодое естество с дуновением этого ласкающего весеннего ветерка.

Аня спешила домой, чтобы поделиться своими эмоциями с Анной. Рассказать ей об успешном завершении оформления путевок, и что остался сущий пустяк, прийти и забрать их, спустя условленное время в две недели. За эти две недели надо подготовиться к отъезду. Тщательно все взвесить, рассчитать, обыграть разные моменты, исключая любые случайности, встреченные в поездке. С такими мыслями она пришла домой. Переступив порог квартиры, принялась снимать верхнюю одежду. За этим занятием застал ее Дима с одним и тем же вопросом, который он задавал ей уже на протяжении целой недели:

– Мам, а, когда мы пойдем в детский садик?!

Аня уже не водила с неделю к ряду сына туда. Вместо этого они все втроем, включая Анну Собинову, ходили в ЦУМ, в ГУМ, и Бог знает еще по каким магазинам и бутикам, скупая дорогие игрушки Диме, себе одежду и украшения. У Димы появились самоходные управляемые по радио, летающие игрушечные модели миниатюрных вертолетов,двигающиеся по пересеченной местности модели вездеходов, стреляющих танков, и даже модель подводной лодки. Ему страстно хотелось похвастаться перед товарищами из детского сада, а мама, как назло, не вела его туда. Дима снова надул губы и пробурчал:

– Ты не хочешь знать меня! Что я не твой сын?! – слезы навернулись у мальчишки на глаза. Аня притянула его голову, прижала к себе. Поглаживая волосы, пахнущие, как у птенца, оперение, стала причитать:

– Нет, дорогой, ты мой сынок. Но у нас пропал папа и мы его должны найти! – она вдруг спохватилась. Ведь до сего времени Дима знал, что папа в далекой и длительной командировке. Дима вдруг поднял наполненные слезами глаза, взглянул в глаза матери:

– Почему пропал? Когда, мама?!

– Совсем недавно. – Стала объяснять ему Аня. – Мне позвонили с его службы и сказали, я только об этом на прошлой неделе узнала.

– Mamочка, ты возьмешь меня с собой?! Мы вместе найдем папу! – уверенным тоном завершил вопрос сын. Аня глубоко вздохнула и глухим голосом ответила:

– Да, сына, мы вместе найдем папу!

Дима высвободился из ее объятий. С серьезным видом, направился в свою комнату.

– Ты куда?!

– Я одеваться! Мы сейчас уйдем на поиски папы!

– Димочка, сынок, мы поедем через неделю, а то и через две. Нам надо хорошо подготовиться, потому, что папа очень далеко за границей, заблудился в чужой стране за океаном.

– Скажи какой, я посмотрю на глобусе?!

– Это Чили, в Южной Америке.

Дима стоял в дверях своей комнаты. Как-то по-взрослому смотрел в мамины, полные слез глаза, вздохнул и сказал:

– Mamочка, ты можешь положиться на меня! – и ушел в свою комнату.

У Ани потекли слезы умиления. Она смахивала их обильный ток надушенным платком и душа ее в эти минуты была переполнена гордостью, что этот маленький человечек вырастает настоящим мужчиной и, как знать, когда-то в далеком, далеком будущем, станет надежной опорой своей, уже его, семьи...

– Эй, подруга! – Из кухни раздался голос Анны Собиновой. – Ты что, не заходишь на кухню?!

Она все это время возилась над праздничным обедом, в честь окончания процедуры оформления путевок, накрыв шикарный стол, на котором красовалась в вазе красная икра, колбасные нарезки, курица гриль в золотистой кожице. Парилась на блюде горячая картошка, и были в изобилии салаты из свежих помидор с огурцами. Все это изобилие украшала бутылка Грузинского красного вина «Саперави».

– Боже мой! – Восхищенно всплеснула руками вошедшая Аня.

– Чем Бог послал! – Ликуя от гордости, сказала Анна, и добавила: – Ну, зови своего мужчину, будем садиться за стол.

– Дима! – крикнула Аня, усаживаясь на свое место. Дима появился в дверях кухни. Заметив маму, усаживающуюся за стол, строго спросил:

– А ты руки мыла?!

Все дружно засмеялись. После, женщины тщательно вымыли руки и уселись за стол. За обедом Аня рассказала о своем походе в турагентство. Особенно позабавило всех то, что менеджер не узнал ее сразу.

– Козел! – процедила сквозь зубы Анна.

– Ничего себе козел! – возразила Аня. – Так пристроится и нагло обирать даже дипломатов, может далеко не каждый.

– Все равно козел! – раздраженно отвечала Анна. – Вот из-за таких козлов, как он, и нет у нас, до сих пор, нормального туристического сервиса.

– Анна, мы еще не знаем, что и как в этой поездке нас ждет. Просто из-за дороговизны путевок наши люди туда не ездят, кроме их студентов, да дипломатов с бизнесменами. Вот и получается, что спросить то и не у кого из наших соотечественников.

– Ладно, подруга, поедем, разберемся. Я им потом, после поездки, такое устрою, мало не покажется! – воинственным тоном, после второго полного бокала вина, заявила Анна.

Они еще долго, до поздней ночи, строили различные планы и домыслы, увлекая свое воображение в непроходимые чащи, из которых практически не было выхода.

Дима в это время уже давно спал в своей комнате. Женщины же спохватились около часа ночи, убрали со стола, помыв посуду, разошлись по комнатам.

Так закончился и этот день. Фактически, подготовка их маленького отряда на поиски пропавших без вести мужей, началась...

За утренним кофе, на следующий день, подруги живо стали обсуждать предстоящую подготовку к столь жаждающему своей развязки походу. Анна, как всегда в цветастом ситцевом халате и в бигудях, туго накрученных на голове, отхлебнув глоток крепкого арабского кофе, сказала:

– Я вот что думаю, Аня!

Она умолкла. Пауза явно затягивалась. Аня нетерпеливо уставилась на подругу, в любопытном ожидании, что она скажет? Не дождавшись, спустя долгую минуту, спросила:

– Да говори же, что там у тебя на уме?!

– Так вот что я думаю? Надо все, что мы с тобой задумали, записывать на видик. Каждую мелочь и каждый день, каждый раз перед выходом на маршрут.

– Знаешь, Анна, я это уже предусмотрела. Вот купила для этого японскую цифровую видеокамеру. На ней можно не только делать документальные звуковые фильмы, но и останавливать понравившийся кадр и в цвете выполнить полномасштабную фотографию. И это еще не все, подключившись к компьютеру можно это все, что мы тут снимаем, переадресовать в любую точку мира по Интернету и на другом компьютере все воспроизвести. А также, создав базу данных забрасывать в нее все наши снятые кадры. Это на тот случай, когда вдруг у нас украдут камеру, или мы ее потеряем, то в Интернете у нас будет храниться копия. Зная секретный пароль, мы сможем в любой момент извлечь из Интернета все то, что там спрятано.

Анна с загоревшимися от любопытства глазами, нетерпеливо воскликнула:

– Покажи камеру!

Аня не спеша, встала из-за стола и вышла. Она появилась с минуту спустя. В руках у нее была новенькая японская видеокамера последнего образца. Она навела объектив на Анну и стала ее снимать, комментируя:

– Вот Анна, пьет кофе и собирается со мной и с Димкой в поход за вами наши без вести пропавшие, Леня и Петруша.

– Аня, что ты делаешь?! Я же не готова в таком виде, в бигудях и халате! Перестань!

Анна стала прятать в ладони лицо и быстро убежала к себе в комнату.

– Ну, вот. – Сказала сама себе Аня, направляя объектив на себя. – Только начала снимать наш документальный очерк, как Собинова быстро смывается. Ну и дела!

Она отложила камеру. Затем принесла тетрадь и ручку и принялась что-то энергично записывать. Вскоре на кухне появилась Анна. Она была уже без бигуди, в макияже и в вечернем платье в ушах висели серьги, на шее болталось кольцо, все украшения из бижутерии. Аня с нескрываемой улыбкой посмотрела на подругу:

– Ну вот, теперь ты точно смахиваешь на актрису из многосерийного латиноамериканского сериала.

– Да будет тебе, Аня. – Смутившись, сказала Анна. – Разве не хочется хоть раз в жизни – вот так нарядиться, и почувствовать себя женщиной, и женщиной не дурно сохранившейся.

– А ведь и вправду, а что если наши съемки сразу же отправлять на доступный сайт всем пользователям сети Интернета. А вдруг наши парни, где-то, может быть смогут добраться до компьютера, зайти под нашими именами и узнать, что мы их ищем.

– Конечно! Если они в подневольном плену, у какой-то подпольной организации, то рано или поздно все равно доберутся до Интернета и найдут там наши бесценные записи.

– Анна, ты конечно права, как права и я, но с другой стороны те, кто их пленил, все-таки первыми узнают о наших планах. А мне кажется, что эти бандиты не очень-то заинтересованы в возвращении наших мужей, а то бы уже давно сообщили нам об этом и потребовали бы выкуп.

– Да, Аня, я не подумала об этом. Но с другой стороны, если это подпольная организация с такими колоссальными возможностями и ресурсами, что ей выгоднее всего провора-

чивать свои дела втайне от государств, а наших мужей использовать в своих корыстных целях, как высококлассных специалистов.

– Вот поэтому то, Собинова, все это мы будем снимать и держать в секрете, чтобы не одна живая душа не смогла, даже намеком, понять или догадаться о наших с тобой планах. Что ж будем строить из себя добросовестных туристок, которых, мужья бизнесмены отправили в длительную туристическую поездку. На целых двадцать четыре дня, чтоб не путались под ногами и не мешали их бизнесу. Вот и все.

– Ну, ты, Аня и голова? Полностью с тобой соглашаюсь и даже не спорю.

– Согласно этой- то программной установке и будем вести себя в поездке. Так нам будет намного легче, и так мы не будем вызывать не здоровое любопытство ни у местного населения, ни у местных властей, ни у дельцов разного пошиба.

– Я думаю, Аня, что, играя роль наивных туристок, мы можем даже закатывать истерики по поводу разного рода сервиса, который отклоняется от расписания, указанного в туре, если таковое будет иметь место.

– Итак, будем играть роль капризных и избалованных богатством жен олигархов, что- то типа нефтяных супругов, разбогатевших на Российской нефти и импортных поставках.

Неожиданно на кухне появился заспанный Дима:

– Мама, я ужасно хочу есть.

– О, сын, это хорошо, что у тебя аппетит. Давай в ванную, мыть руки. А я тебе тут сейчас разогрею.

– Так, мама, меня же ты берешь с собой на поиски папы. Значит, я должен быть сильным.

А то тут с вами маяться. Вы же женщины, значит бестолковые.

Аня и Анна посмотрели, ошарашено друг на друга. Первой опомнилась Аня:

– Дима, сынок, о том, что мы едем искать папу это очень сильная и крепкая тайна. А то если пираты, похитившие папу, узнают, сразу казнят и нашего папу, и дядю Петра.

– Мамочка, я никому, никому на свете не скажу, куда мы едем и зачем.

– Вот- вот, сынок, помни об этом и никогда не забывай.

– А они страшные?

– Кто, они?

– Пираты?

– Очень страшные. Я поэтому раньше тебе об этом и не говорила. Они дикие. Они будут пытаться и мучить папу с дядей Петром, когда узнают, что мы едем их выручать. Ну, иди, помой руки.

– Мамочка, мне страшно.

– Сыночек, мой, с нами ничего не бойся. Пока ты молчишь, о цели нашей поездки, тебе и нам бояться нечего. Помни об этом. Ну, иди помой ручки. – Аня, сказав это, легонько подтолкнула сына под попку. Дима ушел в ванную. Аня же стала возиться у плиты.

– Что теперь делать с этим? – спросила она у Анны.

– А, что ты теперь сделаешь? – Анна сделала паузу, затем сказала: – Ну, хочешь, я поеду одна?

– Умнее ничего придумать не можешь? Ну да ладно, я знаю, что он будет молчать. – Аня сделала паузу, помешивая наваристый суп в кастрюле, затем сказала: – У него есть что- то от Лени.

Анна, сдержанно спросила: – И, что же?

– Упрямство! Упрямство такое, что сдвинуть даже уговорами не удастся. Вот если он пообещал, что будет молчать, то будет.

– Тогда это характер!

– Да, Собинова. Так, что я уверена, что он будет упрямо играть в тайну.

– Тогда строим дальнейшие наши планы. Да и подозрений будет меньше, когда на руках у нас будет пятилетний малыш. – Резюмировала Анна.

Все эти две оставшиеся недели интенсивно велась подготовка к поездке. Женщины со всей ответственностью подошли к предстоящей компании. Анна даже подсказала интересную идею:

– Послушай, в каком отеле забронированные места в Сантьяго?

Аня порылась в путевках, нашла бронь отеля:

– Вот, смотри, тут указаны номера и отель с почтовым адресом.

– Давай туда отправим на этот адрес, до востребования, посылки со снаряжением.

– Ай да молодец Анна. Все, что может привлечь внимание, сложим туда и отошлем.

– Когда прибудем на место, останется только получить и быть в полном снаряжении.

И они начали готовить посылки, куда вошли даже альпинистское снаряжение, включающее в себя спальные мешки, палатку, бинокль с многократным увеличением и два пистолета, с боекомплектами. Оружие Анна купила на барахолке у знакомого торговца, в которого Петр покупал разные ружья для подводной охоты и взрывчатку для глушения рыбы, когда они выбирались на отдых. Петр, в отличие от Леонида любил иногда не традиционные методы лова рыбы, особенно, когда терпения не хватало. Аня в ужасе сказала:

– Ты что, Анна, решила на корню завалить наше мероприятие?!

– Ерунда! – с деловой энергией отпарировала Собинова. – Я где-то читала, что пистолеты были спрятаны, героем одного романа при пересечении границы, в толстом словаре. Испанско-Русский словарь подойдет, как нельзя лучше. Вместо содержимого аккуратно укладываем оружие с магазинами и патронами к ним и вместо листков, муляж из листов свинца. Когда на мониторе появятся наши посылки, то на дисплее появится книга, свинец не даст высветиться оружию. У нас будет оружие, и мы всегда сможем постоять за себя.

– Нет! Ты, наверное, забыла, какая в мире ведется борьба против терроризма. Эти пукалки выявят у нас, как только посылки появятся под мониторами.

– Ты что-то можешь предложить другое?

– Конечно, Собинова! Мы купим все это на месте с полным боевым комплектом. Там, слава Богу, это продается свободно.

– Хорошо, ведь мы военные женщины. – Как-то неуверенно отвечала Анна. Вопреки запретам Ани, Собинова, все-таки упаковала оружие в одну из посылок и отправила ее на свое имя. Аня об этом ничего не знала. Анна сама отвезла посылки на главпочтамт и вернулась под вечер.

– Ты где так долго была?

– По магазинам прошлась. – Уклонилась Анна от прямого ответа, – Вот купила еще немного еды.

Она стала выкладывать покупки на кухонный стол. – Да, кстати, вот квитанции на отправку посылок, мне сказали, что по ним там, в Сантьяго можно будет получить посылки.

– Отлично, Анна.

Осталось еще ждать одну неделю до поездки. И все это время женщины готовили себя, изучая все, что касается будущего маршрута, на случай если вдруг в туре произойдет сбой и ожидаемый сервис окажется не таким, каким его рекламирует туристическое агентство...

Глава пятая

С тех самых пор, как генерала Гаринова выдворили из Антарктической сверх секретной базы. Отобрав летающий диск, изолировав Коперника с его женой и Петра Собинова вместе с ними, генерал впал в глубочайшую меланхолию. Ему казалось все, абсолютно все на свете, безразличным ненужным и не имеющим никакого смысла. Чтобы хоть чем-то себя занять, он по многу часов проводил в саду, ковыряясь то в цветнике сада, то возле фруктовых деревьев.

Колония Дигнидад выращивала не только фрукты, но и овощи, перерабатывая их в консервы на собственном заводе. Эту продукцию поставляли в супермаркеты Сантьяго и магазины городка Талька, и даже в Европу.

В это время года, в мае, здесь в Чили пора осенних хризантем. Май последний осенний месяц, за ним начинается Чилийская зима. Но климат этой страны очень разнообразный и если на южных берегах, в районе Огненной Земли идет уже в мае снег, то в экваториальной части вечнозеленые леса благоухают цветением с яркой тропической растительностью издающей непередаваемо насыщенные ароматы цветущих тропиков. Колония раскинулась у самых подножий Анд, где-то в середине страны и здесь климатические особенности горного климата чередуясь с изумительно красивыми пейзажами, создавали уютный и приятный своей мягкостью климат. В горах ощущалась уже прохлада ночи, и бодрое вечернее настроение вливалось краткими импульсами в истерзанное сердце Алексея Алексеевича. Генерала, отдавшего все свое мастерство хорошего организатора, ученого и военного на благо служению Родине. Генерал Гаринов в сущности своей таковым и остался. Планируя побег, он хотел в изоляции, где его не могли достать правоохранительные органы России, доказать свою невиновность, аргументируя это подлинными фактами и неблагоприятным стечением обстоятельств, повлекших за собой иллюзию похищения сверхсекретного экспериментального аппарата. А то, что его услышат и поймут правоту не виновности, Гаринов не сомневался. Но он ошибся в одном, в том, что попадет в еще большую изоляцию. В изоляцию, где нет возможности ни связаться, ни передать хоть какое-то известие туда на далекую уже Родину. Изоляция оказалась настолько плотной, что чувство безликости и отсутствия веры в собственные силы с каждым днем все сильнее и сильнее внедрялись в сознание этого сильного волевого человека, стремясь стереть навсегда его человеческую индивидуальность. Единственным спасением теперь для генерала была жена и его маленький сын Дима. Сыну уже исполнилось два года. Он рос веселым и жизнерадостным малышом. Руководство колонии Дигнидад обязало его каждый день сдавать сына в детский сад, где малышу прививали уже немецкий образ мышления и не позволяли учиться говорить и разговаривать на русском языке. В те минуты домашней обстановки, когда Эльза приводила его домой, Алексей Алексеевич учил сына русскому языку. И малыш уже лепетал, путая немецкие и русские слова.

– Ты, Алеша, сбиваешь Димочку с толку. – Смеясь, не раз говорила Эльза Эдуардовна мужу.

– А что же нам делать, дорогая Эльза?! Как быть?

– Да пусть учит немецкий. Подрастет немного, мы его обучим и русской речи, и письму. Не думаю, чтобы эти порабитители игнорировали знание двух языков и более.

– Может ты и права, Эльза, но я все, же так не думаю и буду его учить всему, что дала мне Родина и в первую очередь родному языку.

Эльза Эдуардовна не противилась, а наоборот старалась помогать своему Алеше. И они вдвоем учили своего сына разговаривать на русском. Здесь в колонии не было возможности ни найти подходящей книги, не было доступа до газет, журналов, не было радио, не было ничего, что давало бы хоть какой-то намек на новости. Вернее, все это было доступно, но не генералу. Служба охраны строго следила за тем, чтобы генерал находился в постоянной изоляции

с внешним миром. Ему разрешалось только писать мемуары, воспоминания о былой службе. Руководство колонии службой генерала в вооруженных силах интересовалось до мельчайших подробностей. Его рукописи быстро печатались на немецком и русском языках. Их уже набралось две стопки. Печатные листки лежали на его письменном столе в домашнем кабинете. Каждый месяц генерал обращался с рапортом в письменной форме к управляющему колонии с просьбой разрешить переписку с генералитетом вооруженных сил России. Но кроме иронической улыбки на лице у приставленного к нему куратора, здорового белокурого арийца фон Фирса, ответа на его просьбы не поступало. Генерал однажды не выдержал и, улучив момент, прокрался в контору управления к управляющему. Из кабинета управляющего его буквально вытащили волоком два охранника. А управляющий объявил ему две недели домашнего ареста. Это предписывало не покидать дом, даже был наложен запрет выходить в сад, прилегающий к дому. Так и просидел генерал в комнатах дома ровно две недели. Да такое положение его существования не вязалось с деятельным характером генерала. И в одну бессонную ночь после домашнего ареста Алексей Алексеевич решил, что уж лучше заточение на Родине, чем пленение в золотой клетке. Во всяком случае, отсидев положенный срок можно выйти. А то и в процессе судебного разбирательства чего доброго можно доказать свою невиновность. Эта мысль стала сверлить его сознание, как назойливый кНик, лишая сна. И, в конце концов, он решил посоветоваться с женой. Эльза Эдуардовна категорически была против безрассудного поступка. Но, рассудив, мудрая женщина поняла, что попасть с одного плена, быть может в еще худший плен, ей не хотелось, на что она сказала:

– Ведь тут обращаются с нами уважительно. Дима уже в детском садике получает образование, и не плохое, должна тебе заметить. Да и сами колонисты, немцы, улыбаются нам при встрече.

– Да, оно и видно. – Ворчал Гаринов. – А вот скажи Эльза, хоть один немец с тобой заговорил? Пригласил, может тебя в гости, на чашечку вечернего чая, как у них здесь принято?

– Они чего- то здесь боятся и избегают контактов. – Ответила жена.

Гаринов посмотрел на нее долгим и грустным взглядом, выразившим тоскливое одиночество и отчаяние своим безвыходным положением. Глубокий вздох, вышедший из глубин генеральской души, поразил даже его самого. И, чтобы не тревожить жену, он быстро повернулся и вышел в свою комнату. Там, на узеньком столике у окна лежали две стопки листов, его мемуаров. Каждый день так аккуратно исчезавшими оттуда с написанными его рукой листов, и появлявшихся в виде печатных страниц на немецком и русском языках. Даже этот канал уединения, что символически уводил его в воспоминания, и он был под особым контролем. И это тяготило, не давая покоя, лишая сна. Но все, же это был тот единственный источник, который давал возможность оставаться еще самим собой и чувствовать еще себя не совсем потерянным и одиноким, по крайней мере, оставаясь со своими близкими соратниками в воспоминаниях. В такие минуты тягостного одиночества генерал садился за свой маленький письменный столик и уходил в память тех прошлых дней, когда он воплощал свои идеи с Леонидом, Петром и ученым Коперником в жизнь.

– А ведь он сильный человек! – Отрываясь от пространственного экрана, на котором двигался в своей комнате генерал Гаринов, сказал седой человек с крупным красивым лбом и выразительными серыми глазами своим собеседникам. Его длинные седые пряди рассыпались по плечам и были аккуратно расчесаны ровным пробором. Седина, сочетаясь с длинной седой бородой, придавала этому человеку мистическое сходство с пророками прошлого. А белизна длинных одежд, схваченной у левого плеча большой круглой брошью со сверкающим кристаллом в середине, подчеркивали это сходство.

– Вы, Кшатр, возлагаете на него большие надежды! – критически заметил Ареал, сидевший напротив ученого за круглым столом из белого полированного мрамора.

– И не только большие надежды, но я уверен в победе над Селенитами под его руководством.

– Конечно, стратегии ведения боевых действий человека нам не понять, ибо они основаны в основном не на математических расчетах, а на непредсказуемости, свойственной скорее диким племенам прошлого. – Парировал Ареал. – И все же я бы не рисковал так.

– Да говори же, Ареал, что у тебя на уме?

– Мои монстры, верные и преданные мне воины, смогут сделать гораздо больше в этой непонятной для нас войне за Землю.

– А ты давал отчет, хоть когда-нибудь о происхождении Селенитов?! Ну, хотя бы спрашивал себя, кто их создатель?

– Глубокоуважаемый Кшатр, я высоко ценю Вас, как своего создателя и отца и мне всегда болезненно спорить с Вами. И только зная Вашу правоту во всем, я могу согласиться с Вашим мнением тем более в эти времена.

– Твое стремление к индивидуальности, к самостоятельному мышлению и поступкам твой злейший враг, Ареал. Вот если бы ты учитывал в своих действиях временной фактор, мы бы не дошли до этой войны.

– Фон Фирс?! – повернув голову к сидевшему рядом арийцу, обратился Ареал к нему. – Вы знаете, что делать!

Ариец вскочил с места и кивнул головой. Ареал продолжил: – Так действуйте!

Гаркнув в ответ: – Есть, Ваше Высочество!

Фон Фирс удалился.

– Да и к чему эти самодовольные звания « Ваше Высочество» , как в человеческие средние века эпохи Святой инквизиции? – спросил укоризненно Ареала Кшатр.

– Простите мой Учитель, но это действует как магнит на подсознание и дисциплинирует подчиненного, а это как воздух необходимо особенно в период военных действий. Даст Бог, выиграем битву, клянусь, я отменю это высокомерие.

– Ох – хо- хох! Ареал, в чем я сомневаюсь, так это в твоей высокородной скромности! Ну да ладно, сегодня поставлен вопрос о защите Земли и всего, что на ней живого, что может быть выше этой благородной цели?

– Вы, хотите сказать, Учитель, что я не выполню своих обещаний?

– Боюсь я этого в тебе, но, как говорится, поживем, увидим. И еще, у меня к тебе будет личная просьба.

– Я Вас слушаю? – насторожился Ареал.

– С генералом Гариновым будь снисходительнее и постарайся держаться с ним на равных.

– Это еще, с какой стати?! – вскипел Ареал. Но, взглянув в глаза Кшатр, сжался, стал жалким, как будто вдруг превратился в щенка выпрашивающего ласки у хозяина.

– Надеюсь, – с железными нотками в голосе сказал Кшатр, – ты меня понял?!

Лишь только после этих слов, Ареал выпрямился, с уверенной миной на лице ответил:

– Я выполню все, что Вы Учитель приказали.

– А теперь посмотри на себя и запомни это! – сказал Кшатр, воспроизводя запись жалкого состояния Ареала с минуту назад.

Кшатр следя за реакцией Ареала, от увиденного фрагмента, заметил:

– Таким ты можешь стать, даже если меня не будет на этом свете, запомни этот кадр!

Ареал побагровел, с деревянной миной, возникшей на лице, от увиденного видео заявил:

– Учитель, Вы, конечно, можете все, но, не может быть, чтобы это в будущем случилось со мной?!

– Вот поэтому я тебе не советую идти на поводу у своих врагов. Твои Враги – это чрезмерная гордыня и индивидуальный подход в решении важнейших дел.

Ареал вдруг вскочил со своего места и в глубочайшем почтении поклонился Учителю. Этим, давая понять, что разговор окончен. Кшатр поднял правую ладонь, жестом отпуская Ареала. Он вскоре вышел из зала. Кшатр вздохнув, сказал сам себе:

– Во всяком случае, станет понятно, как довести войну с Селенитами до победного конца. И мои соколы Дамиан и Эраст смогут учесть все, что там будет происходить, дабы поставить жирную точку в борьбе с этими монстрами. Спасибо сыну удружил и мне, и нам всем...

С этими словами Кшатр поднялся со своего места и неспешной поступью последовал к стене зала, которая находилась у него за спиной во время проведения встречи с фон Фирсом и с Ареалом. На расстоянии полтора метра от белой мраморной стены на ее фоне стала, вырисовывается двустворчатая дверь, наподобие двери лифта. С ее отчетливыми очертаниями створки разошлись, впуская внутрь Кшатр. Ученый вошел в прямоугольный бокс, подняв правую руку на уровень плеча, сделал замысловатый жест, после чего створки двери открылись вновь, и он вышел из бокса. Кшатр очутился в комнате с зеркальными стенами, в которых многократно отражалось его изображение. Посредине комнаты было круглое сооружение внешне схоже на цилиндр из сверкающего серебристым блеском материала. Это сооружение со всех сторон окружали колонны из малахита, подпиравшие куполообразный потолок. Сверху серебристый цилиндр был плотно закрыт круглым щитом. Ученый подошел к сооружению, взмахнул правой рукой. Сверху, из куполообразного потолка спустились два металлических захвата. Щит, закрывавший цилиндр медленно открылся. Из открывшегося отверстия захваты вытащили прозрачный кристалл, с пульсирующим светло синим огнем внутри.

– Приветствую тебя, Дамиан! – торжественным голосом сказал Кшатр. Огонь внутри кристалла стал менять окраску в такт вибраций, которые пульсировали в изменчивом ритме.

– Ты спрашиваешь, что я от тебя хочу?

Кристалл завибрировал, повторяя пульсацию.

– Я пришел сообщить тебе, что скоро мне понадобится ваша с Эрастом помощь.

Кристалл стал пульсировать новыми цветосочетаниями.

– Вижу, что ты интересуешься причиной? Слушай. Ареал, мой названный сын, создал очень агрессивный и жестокий организм, практически неуязвим, способный генерировать жизненную энергию из светил Космоса и комфортно существовать в вакууме. Их имя Селениты, происшедшего от названия спутника Земли Луны. Они заселили Луну, внезапно объявив Землю сферой своих интересов. Войны не избежать. Поэтому я принял решение вернуть вас в форму ваших тел и помочь нам с моим новым отрядом из представителей Земли, уничтожить этих монстров.

Кристалл стал излучать ритмичную гамму цветов.

– Ты говоришь, что это не гуманно? Да, я согласен с тобой. Мы отберем их дэ-эн-ка и разместим в Сферу Возрождения. Таким образом, освободим человеческое начало от порабощения производных организмов взятых за основу при формировании этих особей.

По ритмике новой гаммы цветосочетания, испускаемого кристаллом, Кшатр расшифровывал одобрительный ответ Дамиана.

– Ты точно ответил так, как и я, тебе хотел сказать. Таким образом, не произойдет сбой в развитии человечества в целом и рождения детей у людей не будет очередной деградацией или вырождением населения.

Кристалл замигал новым сочетанием цветов.

– Ты спрашиваешь, когда это произойдет? После обучения двоих пилотов и их командующего, которому, кстати, и вы будете подчиняться при ведении боевых действий против Селенитов. Но в основном вы будете выполнять особые поручения, и ваше подчинение сведется лишь к докладу генералу о состоянии боевых действий. Это делается для того, чтобы эффективнее использовать потенциал этих хорошо обученных людей, досконально владеющих тактикой и стратегией на театре военных действий.

Кристалл замигал с преобладанием розовых и красных цветов.

– Нет, не беспокойся, им можно доверять и на них можно положиться во всем. Это преданные и доверенные люди, они уже практически стали нашими соратниками, и я уверен в их благонадежности.

Кристалл замигал синими красками с белыми бликами в самом центре.

– Вот и хорошо, Дамиан. Отдыхай и набирайся сил.

Снова взмахом правой руки Кшатр закрыл кристалл. Он постоял еще с минуту у серебристого цилиндра, как бы убеждаясь в плотности и надежности герметизации хранилища. Затем повернулся и направился к стене, где по мере приближения стала проявляться двустворчатая дверь. Внутри бокса он подумал: «Надо бы включить в программу, просматривающую Дамианом и Эрастом эволюцию Селенитов, их колонизацию Луны и угрозу, которую они несут Земле и Землянам. Таким образом, воплощение их произойдет без помех. И они будут уже практически подготовленными. Останутся лишь незначительные дополнения».

Взмахом руки Кшатр заставил двери открыться, и он вышел из транспортного бокса...

Глава шестая

В подавленном настроении и в полном расстройстве чувств, Гаринов уселся за мемуары. Воспоминания, о последних днях работы со своей командой над завершением проекта по запуску в испытательный полет дисколета, которые вернули ему былую веру в собственные силы. И он стал до мельчайших подробностей излагать ход работ, дискутируя мысленно – то с Коперником, то с Петром, то с Леонидом. Это принесло облегчение, скрасившее одиночество. Он постепенно приходил в себя. Его плен уже не казался таким тягостным и мучительно однообразным. Неожиданно в комнату вбежала жена:

– Алеша, Мария принесла уведомление!

Со счастливой улыбкой жена подбежала к Гаринову с красным бланком международного почтового уведомления. – Вот, посмотри, это ее подпись! Ты видишь?!

Она совала бланк ему в руки. Гаринов взял красную открытку внимательно стал изучать подпись.

– Да, Эльзочка! Наконец то и нам повезло! Хотя какая- то весточка с Родины. Теперь уж точно Аня получила эти деньги.

– Да, милый. Она умница. Девочка умная. – Подтвердила слова мужа Эльза Эдуардовна с улыбкой.

– И сообразительная. Банк с хорошей Швейцарской репутацией и средства эти никуда не денутся. Благо она сохранила счет в этом Банке. Я когда шел в Московский филиал очень боялся, что Аня после учебы ликвидировала свой учебный счет для получения стипендий. Но банкир спокойно принял перевод средств, даже бровью не повел. Благо, по слухам еще в бытность мою на генеральском посту, я слышал разговоры в генералитете, что некоторые студенты еще и не такие суммы получали по переводу от своих богатеньких родителей для организации бизнеса в Москве. Гаринов нежно погладил бланк. Он и его жена еще несколько минут любовались росписью Ани. На бланке отчетливо была видна написанная Аниной рукой, почти детским почерком, фамилия «Кразимова». Она так и не научилась, за годы супружества, витиеватости в написании фамилии и подписывалась, тщательно выводя буквы. Эту подпись невозможно было подделать, так как на первый взгляд она казалась простой. Однако в простоте подписи и был скрыт тот неуловимый индивидуальный стиль.

– Ты знаешь, Алеша, я думаю, что этот счет сохранился только по одной причине.

– По какой же, Эльзочка?

– Да мне кажется, что она о его существовании забыла сразу же, как только окончила учебу.

– А вдруг она и карточку выбросила? Что тогда?! – Гаринов обеспокоено взглянул на жену, в надежде, что она его успокоит. Эльза Эдуардовна подумала в свою очередь:

«Вот черт меня дернул! Надо что- то придумать!» – она стала лихорадочно вспоминать, как объяснить мужу, что Аня всегда отличалась аккуратностью и бережливостью. И внезапно она вспомнила, что все, что связывало Аню с прошлой, не замужней жизнью, она любила бережно хранить в особом месте. И это место стала ее, Эльзы, подаренная на свадьбу Ани с Леонидом Казимовым шкатулка.

– Алеше, я помню, как Аня складывала в мою подаренную ей шкатулку всякие безделушки и ненужную банковскую карточку.

– Ты точно это помнишь? – пристально глядя в глаза жене, спросил Алексей Алексеевич.

– Да, твердо ответила она!

Ее ответ звучал убедительно и правдиво, ибо состояние хорошего настроения мужа Эльза Эдуардовна не хотела портить этим беспокойством по утерянной кредитной карточке Ани. Оставаясь до конца не уверенной в своей правоте, все же она решила ответить именно так. А

там, как сложится. Власть, налюбовавшись бланком, Эльза Эдуардовна взяла его и бережно отнесла к себе в шкафчик, что стоял рядом с кроватью в их спальне. В шкафчике стояла шкатулка. Эльза Эдуардовна бережно положила в нее бланк. В шкатулке лежали разные украшения из бижутерии, и теперь там суждено храниться и этому красному клочку плотной бумаги, как дорогой реликвии. Гаринов вновь углубился в воспоминания, описывая появление ученого Афанасия Петровича с такой необычной и известной фамилией, Коперник. Внезапно двери комнаты широко открылись. Грузно ступая, стремительно буквально ввалился фон Фирс.

– Генерал, срочно собирайтесь! Вас ждет Его Высочество Верховная личность Ареал.

– А нельзя ли проще, как-то называть этого Ареала?! – Не сдерживая своего раздражения, спросил Алексей Алексеевич.

– Здесь мы задаем вопросы! – Отпарировал фон Фирс. – Жду Вас через пять минут в машине!

Фирс круто по-военному повернулся и, хлопнув дверью, вышел.

Услышав громкие голоса, в комнате появилась Эльза Эдуардовна:

– Что здесь произошло? – тревожно спросила она.

– Чтобы я через пять минут был в его машине. – вздохнув, ответил Алексей Алексеевич.

– И ничего больше?

– Ничего не сказал, куда и зачем вызывает к себе Ареал.

– Ох, чувствует мое сердце что-то не ладное.

– Не волнуйся так Эльза. Я выходил и ни из таких ситуаций. А то, что он меня вызывает, означает начало каких-то подвижек в нашей однообразной и скучной жизни. А раз будет движение, значит будем ориентироваться в обстановке и принимать соответствующие действия.

– Ох, Алеша, хоть бы не наломать дров?

– Вот уж в этом-то я уверен на все сто процентов. Эта колония не заинтересована во вреде своим колонистам вопреки тем мифам, которые бродят вокруг «Дигнидад», которые насочиняли о ней эта пишущая публика из папарацци.

– Конечно, Алеша, отказаться мы же не имеем никакого права? Мы же подневольные люди?

– Но почему же? Отказаться я конечно могу. Но что потом будет с нами. Будем сидеть, как сидели и все. Нет, надо ехать!

Генерал поднялся от стола. Эльза Эдуардовна проводила его взглядом полным любви к выходу.

– С Богом, Алеша!

Гаринов не ответил. Он быстро вышел из дома. Привыкший к железной дисциплине, генерал ровно через пять минут открыл дверцу машины и уселся на заднее сидение. Грюкнул дверцей.

– В следующий раз, закрывайте двери машины тише. – Заметил фон Фирс. На что Гаринов заметил: – У вас, что она приобретена в кредит?!

Фон Фирс проигнорировал ответ, лишь стал излагать причины своего появления:

– Мы едем сейчас в Райскую Обитель. Во дворец Верховной личности. При встрече, обращайтесь к нему по званию Ваше Высочество. В ответ он будет обращаться к Вам тоже по званию «генерал».

Гаринов ничего не ответил, но впервые ощутил, что он стал, почему-то нужным. Под быстро летящей машиной над поверхностью земли бежала трава и цветочные клумбы. Мелькали за окном аккуратные домики колонии Дигнидад. Вскоре они очутились в ангаре, прилегающем к территории взлетно-посадочной полосы. В этом ангаре стояли легкие двухместные прогулочные самолеты и два вертолета. Между машинами застыл, как бы притаившись, диск на трех стойках. Гаринов с любопытством стал рассматривать необычной формы аппарат. Конструкция разительно отличалась от дисков Коперника. От куполообразной прозрач-

ной кабины, словно лучи, расходились овалы спицы, поддерживающие наружное колесо, охватывающие диск по периметру. Диаметр этого колеса, по прикидке Гаринова, был около восьми- девяти метров. Генерал не удержался, спросил:

– Господин Фирс, зачем эти спицы и колесо?!

Фон Фирс неохотно ответил:

– Узнаете все в свое время.

Генерал, скрепя сердцем подумал:

«Откуда это высокомерие? Мне, нормальному военному человеку не понять».

Но, вспоминая генералов из своего окружения, наткнулся на двух с такими, же высокомерными амбициями и успокоился. Подчиняясь жесту, фон Фирса, пригласившего следовать за ним, он вышел из машины. Вскоре по приставной лестнице они поднялись в диск. Гаринову открылась комфортабельная кабина с тремя креслами, что установлены возле пульта управления, что был усеян мигающими кнопками возле вертикального зеленого прямоугольника экрана. Фирс уселся на среднее кресло, пригласив сестр генерала слева.

– Пристегнитесь! – скомандовал он.

Генерал застегнул привязные ремни, и вспомнил, что у дисков Коперника силы инерции не ощущалось. Он хотел спросить об этом фон Фирса, но сдержался. Вспомнив высокомерие этого отпрыска Арийской Расы. А Фирс, тем временем, уже манипулировал кнопками пульта управления, набирая программу полета. Затем нажал голубую кнопку, и была немного больше по размеру от остальных. В ту же секунду диск качнулся и замер на месте. За прозрачной обшивкой кабины замелькало движущее пространство, ускоряясь, вскоре слилось в сплошной серый поток. В этой серой набегающей мгле различить, что- либо было уже невозможно. Но вот, что удивительно и не обычно, движения диска в кабине не ощущалось, словно за прозрачным фонарем кабины мелькал отснятый на цифровое видео движущийся сюжет. Генерал сделал вывод, что принцип полета диска идентичен диску конструкции Коперника. Он спокойно и с каким- то самонадеянным видом стал ожидать встречи с Его Высочеством Ареалом.

Тео, после посещения хранилища, вернулся в свой кабинет, который был расположен во дворце Ареала на втором этаже и примыкал к роскошному и помпезно обставленному кабинету Ареала. В глубокой задумчивости он опустился в кресло за письменным столом. Его мучили беспокойные мысли о пробуждающихся и так ему необходимых соратниках, на которых он возлагал очень большие надежды и без которых ему в назревающей ситуации не обойтись. Конечно с преданными воинами Дамианом, Эрастом и Орестом, которых он спас в последнюю минуту из жернова катастрофы проблем не будет. А вот как быть с зоологами Антониом и Кшатр, к тому же бывшим по совместительству верховным Жрецом Совета Ученых Марса? На этот вопрос он не знал ответа. Во время катастрофы, огромный город парил среди сплошного огня и хаотического смешения обломков планеты с расплавленными кусками магмы, надежно укрытый сетью волновой защиты. Многие ученые укрылись в этом городе, спасая свои жизни. Их потенциал сейчас покоится в энергетических кристаллах, размещенных в хранилище, ответственность за которое Совет Ученых возложил на Кшатр. После разрушений на планете Марс Совет Ученых Райской Обители снял с зоолога Кшатр звание Верховного Жреца за то, что он не предотвратил катастрофы. И всю полноту власти, которой наделен Верховный Жрец Райской Обители, возложил на ученого Кшатр. Кшатр в тот миг торжествовал. Его единогласно возвели в Верховные Жрецы. Он давно ждал этого момента, и эта катастрофа послужила толчком для Ученого Совета принять единогласно его кандидатуру. Кшатр, этот непримиримый борец с Кшатром, критиковавший его теорию Неуравновешенных систем. И что в итоге? Ведь это Кшатр предложил альтернативу продления жизни. Поместить интеллект ученого в синтезированном для этой цели кристалле, аккумулирующего в себе вибрации мыслительной энергии. Такой кристалл может храниться вечно. Кшатр предложил формирование нового тела для хранящегося в кристалле интеллекта совместно с включением в этот

процесс кристалла. По мере формирования тела в ускоренном режиме в течение девяти месяцев интеллект постепенно трансформируется в новом человеке и приобретает все признаки, присущи индивидуальности ученого. Предложенную альтернативу приняли зоолог Антоний и бывший Верховный Жрец Кшатр, за ними присоединились и другие ученые. Вскоре в космическом городе Райская Обитель не осталось никого, кроме Кшатр, призванного следить за хранилищем. И теперь перед возникшей угрозой Селенитов Кшатру, как никогда, нужны были сторонники в борьбе с этим злом. Кшатр также понимал, что Ареал только союзник и будет им, пока Селениты не будут свергнуты. Лишь только угроза исчезнет, Ареал превратится во врага. И чтобы обезопасить себя, поставить этого зарвавшегося злого гения на место, Кшатру нужна была сильная рука. Преданные люди с мышлением ученых, с опытом пророков, со святостью святых. Такими были зоологи Антоний и Кшатр, которые в свое время направляли развитие первого племени поселенцев в Атлантиде их первых воспитанников Атоллы и Ниссо. Когда миссия ученых- зоологов была выполнена, они добровольно согласились хранить свой интеллект в синтезированных кристаллах. И Антоний и Кшатр ушли в глубокий анабиоз тут в лаборатории хранилища с последующей трансформацией в кристаллы жизни. И сейчас Кшатр размышлял, как вернуть их в свой мир. Сделать своими соратниками и единомышленниками. Размышляя над

этим, он не заметил, как в его кабинет вихрем ворвался Ареал.

– Кшатр! – Воскликнул вошедший. Ученый вздрогнул. Этот возглас вернул его к действительности, и в мгновение подсознание ученого включило волновую защиту. Мерцающий голубоватым отблеском ореол охватил фигуру старца.

– Как ты это делаешь?! – не без зависти спросил Ареал.

– Не забывай, сын мой, что мне много миллионов лет.

– Я пришел тебе сообщить, что сюда едут эти люди, фон Фирс и генерал Гаринов.

– Ты хочешь использовать генерала с его воинами Кразимовым и Собиновым, как приманку для Селенитов?!

– Именно так! – надменно выпалил Ареал.

– Ты очень самонадеян!

– Только таким образом мы увидим слабые стороны врага. А твои люди, Дамиан, Эраст и Орест завершат разгром этих взбунтовавшихся бестий.

– Я сомневаюсь в этом твоём начинании.

– Это почему же?! – наседал Ареал.

– В- первых ты очень самонадеян.

– Я уже это слышал. Но это мне не мешает мне быстро решать проблемные вопросы. И вообще мне с тобой нет времени решать воспитательные проблемы. Надо как можно быстрее восстановить твоих опытнейших пилотов- воинов. Повторяю, как можно скорее!

– Я уже начал процесс.

– Я это сделал бы это уже давно, будь у меня доступ к хранилищу.

«Будь у тебя доступ к хранилищу, ты бы разрушил Землю». – Подумал Кшатр, а вслух добавил: – Ты помни одно, в первую очередь наш уговор!

– Я помню! Мои люди Гаринов генерал, Кразимов и Собинов! Твои: Дамиан, Эраст и Орест!

– Ну, что же, что не смогут выполнить твои люди, доделают мои. А сейчас иди, встречай генерала.

Ареал удалился стремительной походкой из кабинета Кшатр и направился в свои апартаменты. Ученый остался один, погрузившись в размышления. Ареал подстегнул его. Для того, чтобы мысли привести в порядок он решил еще раз зайти в лабораторию хранилища и еще раз проверить восстановительные процессы своей так называемой Твердой руки. Так любовно Кшатр стал называть своих соратников восстанавливающих там. Он считал, что большой

палец, этой Твердой руки это ученный- зоолог Антоний, указательный это ученный- зоолог Кшатр, затем шел как бы безмянный палец Дамиан, средний Эраст и малый Орест. Вместе эти люди создадут железный кулак Твердой руки, способный сокрушить любого на своем пути врага. Кшатр сможет опираться в своей борьбе против Селенитов и затем обуздать неукротимого Ареала, чтобы никогда не повторялась история подобная проблема Селенитов. С этими мыслями он вошел в бокс лаборатории хранилища. Тела Антония, Кшатр, Дамиана, Эраста и Ореста проходили в лаборатории ускоренную стадию развития, которая должна, продлится девять месяцев. За эти девять месяцев они полностью будут сформированы под контролем их собственных вибраций, исшедших из глубины индивидуального кристалла каждого. Кшатр внимательно осматривал прозрачные цилиндры с уже почти сформированными телами. Вот Дамиан, его атлетически сложенная фигура, казалась несколько тяжеловатой. Но в прошлой жизни его сложение не отражалось на его ловкости. Эраст уже сформировался в атлета с изящной и красивой фигурой. Орест в узкобедрого широкоплечего человека с сухопарым продолговатым лицом и крючковатым носом. Несколько отличались своим телосложением Антоний и Кшатр. Их тела сформировались в седобородых старцев с мускулистыми спортивными фигурами, никак не соответствовавшими облику. Глаза у всех пятерых были закрыты. В фермировочном растворе находились еще тела с жизнеобеспечивающими трубками, по которым поступали насыщенные витаминами питательные составы. В этих растворах они должны еще пробыть последние тридцать дней. Затем растворы будут откачены. Помощники роботы аккуратно уложат спящих людей в их постели. Произойдет окончательная имитация сна. Пробуждение будет естественным и безболезненным, словно они заснули только вчера, а сегодня утром проснулись, невзирая на сон в миллионы лет.

Убедившись в том, что процессы восстановления команды происходят хорошо, Кшатр покинул лабораторию.

Фон Фирс остановил дисколет у самого порога помпезного дворца Ареала. Гаринов терялся в догадках. Зачем он понадобился Верховному Ареалу. Тревожные мысли сменяли одна одну. В его изумленном сознании, не давая ответа, терзались догадки. В конце концов, он решил, что лучшее лекарство от беспокойства – это знать причину последнего и стал ждать развития событий. Там временем фон Фирс снял привязные ремни с себя и сказал:

– Следуйте за мной!

Энергичным движением вскочил со своего места и стремительно направился к выходу. Заинтригованный генерал последовал за ним. Гаринов еле успевал за Фирсом широкой лестницей парадного входа, устланной красной ковровой дорожкой. На втором этаже дворца размещался кабинет- приемная Верховного Ареала, куда первым вошел фон Фирс, предварительно жестом дал понять генералу остаться в приемной. Гаринов недолго ждал. Почти сразу же, как только за фон Фирсом закрылась дверь кабинета, Фирс открыл ее и пригласил Гаринова войти. Генерал вошел в кабинет. На красном ворсистом ковре во всю просторную комнату стоял большой письменный стол. За столом сидел сам Ареал, генерал сразу узнал его. Рядом с ним справа сидел коротко стриженный коренастый с выдвинутой почти квадратной челюстью человек. С лева от Ареала находился седой старец. Он был с длинного платинового оттенка волосами, аккуратно расчесанными на прямой пробор и рассыпавшимися по плечам. Его длинная борода ниспадала на грудь и заканчивалась треугольной формой. Когда за вошедшим генералом закрылась дверь, Ареал поднялся со своего места:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.